ББК
папка 6
К6

А. И. ФАРЕСОВЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

И

ЧЕСТВОВАНІЕ ЕГО ПАМЯТИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1899

10884 back'KM'

Б. М. I. 8. 3.
№9.

А. И. ФАРЕСОВЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

И

ЧЕСТВОВАНІЕ ЕГО ПАМЯТИ

10897 Русск. Кн.

Гос. Уп-т
Научная
библиотека им.
Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

2029/Б.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13.
1899

Дозволено цензурою 19 іюля 1899 года С.-Петербургъ.

I.

Дома и въ лицеѣ, въ обществѣ и въ литературѣ.

АЛЕКСАНДРЪ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ—въ сердцѣ Россіи—26-го мая 1799 года. По отцовской линіи, предки его были еще въ XVII в. боярами, а по материнской—прадѣдомъ приходился негритянскій сынъ владѣтельнаго князька, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ Петра I («Арапъ Петра Великаго»). На одной изъ внучекъ Абрама Ганнибала, Надеждѣ Осиповнѣ Ганнибалъ, женился въ Петербургѣ гвардейскій офицеръ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, который послѣ свадьбы уѣхалъ въ Москву, выйдя въ отставку, и былъ отцомъ нашего поэта. Прадѣдъ Пушкинъ и дѣдъ не отличались нормальностью поступковъ и семейными добродѣтелями: первый зарѣзалъ въ припадкѣ сумасшествія свою жену, второй заморилъ первую жену въ домашней тюрьмѣ за мнимую ея связь съ гувернеромъ. Прадѣдъ Ганнибалъ и дѣды по африканской линіи тоже были людьми крутого нрава, двоеженцами и многоженцами, заточавшими законныхъ женъ въ монастырь и судившимися съ ними въ томъ случаѣ, если несчастныя находили защиту при дворѣ. Самъ А. С. Пушкинъ аттестуетъ безжалостно ихъ въ написанной имъ самимъ «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ». Семейныя несчастія и роковая судьба, съ сильными страстями, приливами гнѣва и горя, лежали въ темпераментахъ обоихъ родовъ и самъ А. С. Пушкинъ не избѣгъ ихъ вліянія. Тѣмъ не менѣе предки, Пушкины и Ганнибалы, не играя значительной роли въ государственной жизни Россіи, дослужились боярства и генеральскихъ чиновъ честнымъ трудомъ и поэтъ о каждомъ изъ нихъ съ гор-

достью говорить, что онъ при дворѣ «не торговалъ блинами и не ваксилъ царскихъ сапоговъ»... Принято думать, что дѣтскіе годы лучшее время въ жизни человѣка; но у Пушкина дѣтство не было жизнерадостнымъ. Отецъ его былъ свѣтскій и пустой человѣкъ, скупецъ и мотъ вмѣстѣ, подъ башмакомъ своей жены, способной выдерживать характеръ по цѣлымъ годамъ, не разговаривая съ мужемъ и дѣтьми. Съ одной стороны утрата въ домѣ теплой семейности и зимою свѣтскіе вечера, съ французской рѣчью и стихами, съ другой — жизнь для свѣта не по средствамъ, должны были не благопріятно отражаться на впечатлительномъ ребенкѣ. Есть основаніе думать, что многія черты «Скупого рыцаря» заимствованы поэтомъ изъ домашнихъ воспоминаній. Мать не любила ребенка за лѣность, неловкость и общую неразвитость до 7 лѣтъ. Мальчикъ казался идіотомъ, привыкшимъ болѣе сидѣть въ одиночествѣ или лежать, избѣгая игръ и сверстниковъ. Онъ находилъ ласку и привѣтъ у бабушки, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, которая и выучила его читать и писать по-русски. Другая покровительница и утѣшительница его была нянька, Арина Родіоновна, которую поэтъ съ умиленіемъ называетъ «наперстницей волшебной старины» и «подругой дней его суровыхъ». Эти двѣ старухи и жизнь лѣтомъ въ деревнѣ Захарово, недалеко отъ Москвы и бывшей вотчины Бориса Годунова, Вязьмы, были источникомъ знакомства будущаго поэта съ отечественной исторіей и народнымъ эпосомъ въ такой сильной степени, что онъ самъ приписываетъ вліянію няни появленіе «Руслана и Людмилы», сказокъ «О царѣ Салтанѣ», «О попѣ и работникѣ его Балдѣ» и т. д. Такимъ образомъ, онъ росъ безъ материнской ласки. Послѣ семи лѣтъ мальчикъ вдругъ измѣнился и изъ лѣниваго дѣлается рѣзвымъ, находчивымъ, большимъ шалуномъ и въ то же время страстнымъ любителемъ чтенія книгъ и авторства. Но учиться по учебникамъ онъ продолжаетъ плохо и ариѳметика совершенно не дается ему. За то французское воспитаніе въ домѣ отца и любовь послѣдняго и его брата, Василія Львовича Пушкина (извѣстнаго «арзамасца» и «русскаго француза») къ литературѣ, къ сочинительству французскихъ мадригаловъ и остротамъ, очень скоро повліяли и на подростающаго поэта. Онъ перечиталъ французскихъ классиковъ XVII вѣка, философовъ и эротическихъ поэтовъ XVIII вѣка и на двѣнадцатомъ году, въ подражаніе Мольеру, пишетъ комедію «L'escamoteur» (Похититель), въ 1811 году, неодобренную сестрой и уничтоженную поэтомъ; въ томъ же году, въ подражаніе «Генріадѣ» Вольтера, пишетъ «La Tolyada» (Толіада), гдѣ описывается война влюбленнаго карлика Толи съ своими соперниками. Эта поэма также погибла въ печи, куда авторъ бросилъ ее за насмѣшки надъ нею гувернера и гувернантки. Такимъ образомъ, первыя его вдохновенія не встрѣтили поддержки, и литературное призваніе въ немъ было

оскорбляемо слишкомъ рано. Сохранившіеся стихи этого времени были писаны поэтомъ въ Лицеѣ, въ 1812 году: «Пѣсня» къ Деліи, которую онъ зоветъ на уединенное свиданіе; «Делія» и «Измѣны», въ которыхъ онъ оплакиваетъ образъ любимой женщины, не смотря на то, что

Лилу, Темиру
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ...

Поэту было всего 13 лѣтъ, но воображеніе питалось уже чувственными образами. Въ 1814 году онъ пишетъ «Посланіе къ сестрѣ», въ которомъ уже видно и объективное спокойное описаніе жизни. Изображая Лицей и приравнивая его къ монастырю, онъ обѣщается прилетѣть къ сестрѣ «разстригой», «съ пукомъ стиховъ» и вопрошаетъ ее въ свою очередь:

Жанъ-Жака ли читаешь?
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пронеслась мечтой
Въ поля... и т. д.

Нужно сказать, что сестра Пушкина была старше его всего на одинъ годъ. Вотъ какіе книги и образы въ то время занимали поэта. Несомнѣнно, что умъ и чувства созрѣли въ немъ значительно раньше, чѣмъ характеръ, съ которымъ онъ вступилъ безъ особенныхъ сожалѣній изъ родительскаго дома въ Царскосельскій лицей. Недостатки домашняго воспитанія Пушкина восполнены были въ лицеѣ нѣжной дружбой и личными привязанностями его ко многимъ товарищамъ, изъ которыхъ современемъ вышли все крупные и видные дѣятели: Дельвигъ, Горчаковъ, Корфъ, Корниловъ, Пущинъ, Кюхельбекеръ, Илличевскій, Матюшкинъ и т. д. Онъ пробылъ въ немъ шесть лѣтъ (1811—1817 г.) и образовывалъ себя чтеніемъ книгъ безъ руководства и выбора. Учителя въ лицеѣ были умными и прекрасными людьми, но также и «вѣрными друзьями бокала»... Директоръ Е. Энгельгардтъ, въ первые мѣсяцы своего вступленія въ лицей, не взлюбилъ Пушкина и считалъ, что сердце у него холодное, воображеніе испорченное, умъ не глубокій, а поэтическій талантъ данъ для тщеславія, а не служенія родинѣ. Пушкинъ тотчасъ почувствовалъ это отношеніе къ себѣ директора и возненавидѣлъ его, хотя послѣдній быстро перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе и старался быть съ нимъ ласковымъ и добрымъ. Но Пушкинъ, очевидно, не забывалъ обиды и всегда сторонился директора. Такимъ образомъ онъ обязанъ своимъ развитіемъ въ лицеѣ исключительно самому

себѣ и товариществу, а школѣ—только тѣмъ, что здѣсь не притупили его умъ механическимъ обученіемъ ненужнаго множества мертвыхъ предметовъ и не исковеркали ими его природныхъ дарованій. Пушкинъ привязался къ лицею за внутреннюю свободу въ его стѣнахъ, за живыя чувства къ друзьямъ и за то, что здѣсь онъ впервые почувствовалъ свое великое значеніе для русской литературы. Въ товарищескомъ кружкѣ лицеистовъ выходило нѣсколько рукописныхъ журналовъ: «Лицейскій мудрецъ», «Пловцы», «Для удовольствія и пользы», «Неопытное перо» и т. д. Это въ сильнѣйшей степени способствовало самообразованію молодыхъ людей, и Пушкинъ, конечно, значительно выдѣлялся среди сверстниковъ, не смотря на подражаніе воспитаннымъ амуромъ «Вержье, Парни съ Грекуромъ» (I т. 44 стр.). Въ 1814 г. впервые появляется въ печати, въ «Вѣстникѣ Европы», его стихотвореніе: «Къ другу стихотворцу», въ которомъ уже тогда Пушкинъ предостерегаетъ товарища по призванію словами, имѣющими пророческое значеніе и для современныхъ намъ поэтовъ:

Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!

Послѣ этого его стихи стали печататься и въ другихъ изданіяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицейскихъ стиховъ достаточно эротики: «Эвлега», «Осгаръ», «Леда», «Пирующіе студенты», «Вишня», «Разсудокъ и любовь», «Къ живописцу», «Фавнъ и Пастушка», «Амуръ и Гименей», «Къ Наташѣ», «Окно», «Къ ней», «Къ молодой вдовѣ» и т. д.; въ другихъ много подражаній Державину, Жуковскому и Батюшкову, но есть стихи, какъ напримѣръ, «Лицинію» (1815 г.), гдѣ поэтъ громитъ тирановъ, восклицая: «Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода»... А въ стихахъ «Бова» онъ уже

Опасался безъ крылъ парить,
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю!

На 16 году жизни его уже тянуло къ народному сюжету, и онъ замѣчаетъ:

Но вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабавную,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Нужно сказать, что въ этомъ же 1815 г. на экзаменѣ Пушкинъ читалъ стихотвореніе «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ», и старый Державинъ всталъ съ мѣста и склонилъ предъ нимъ свою сѣдую голову... На выпускномъ экзаменѣ 1817 г. онъ читалъ стихотвореніе съ философскимъ содержаніемъ «Безвѣріе», въ которомъ про-

ситъ о сожалѣніи къ невѣрующему, такъ какъ, «умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ»... Кончилъ курсъ онъ 19 ученикомъ, а его другъ—Дельвигъ—предпослѣднимъ. Въ томъ же году онъ началъ писать поэму «Русланъ и Людмила» и когда впослѣдствіи, въ 1820 году, прочелъ ее Жуковскому, послѣдній подарилъ ему свой портретъ съ надписью «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя, въ высокоторжественный день окончанія «Руслана и Людмилы». Побѣдилъ Пушкинъ своихъ учителей тѣмъ, что онъ первый изъ поэтовъ отказался отъ ложно-классической теоріи, заключавшейся въ подражаніи образцамъ Гомера и Виргилія, съ героическими сюжетами, искусственными подраздѣленіями и правилами. Между тѣмъ Пушкинъ пѣлъ свободно «гимны важные, внушенные богами» и существенное призваніе поэта выразилъ стихами:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Что бы ни говорили сторонники безотносительнаго искусства о «пушкинской художественности», ея значеніе только тогда поднялось, когда, вмѣсто служенія эстетико-эротической музѣ, Пушкинъ сталъ «чувства добрыя будить» и «милость къ падшимъ призывать». Онъ признавалъ въ поэзіи не только сладкіе звуки о красотахъ природы и молитвы о женскихъ ласкахъ, но опоэтизировалъ и «Ювеналовъ бичъ». Выступая на борьбу противъ устарѣлыхъ теорій, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, онъ оставилъ Лицей восемнадцатилѣтнимъ юношей, имѣя уже впереди цѣлую массу враждебныхъ его направленію лицъ, державшихся преданій псевдо-классицизма, «Бесѣды Любителей Русскаго Слова», шишковщины и аракчеевщины. Его голосъ уже «умѣлъ сердца тревожить», особенно когда появилось стихотвореніе «Деревня» (1819 г.), гдѣ, рисуя ужасы крѣпостнаго права, поэтъ обращался къ обществу:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

По окончаніи курса въ Лицеѣ, Пушкинъ вошелъ въ общество уже литературной извѣстностью и новаторомъ русскаго слова. Романтическое настроеніе его вскорѣ обратилось прямо къ народной жизни и не напоминало собою слезливо-искусственную «Душеньку» Богдановича, подражательный романтизмъ Жуковскаго, сантиментализмъ Карамзина и скептическій космополитизмъ Байрона. Въ «Исторіи русской литературы» П. Полевого сказано: «народные мотивы являлись у Пушкина не въ узкой рамкѣ поэмы, написанной по

всѣмъ правиламъ теоріи, а въ формѣ широкаго, свободнаго, поэтического разсказа, который способенъ былъ привести въ ужасъ сторонниковъ старой риторической школы неправильностью и непослѣдовательностью своего теченія, частыми уклоненіями отъ главной нити разсказа и, въ особенности, сатирическими выходками противъ современности вообще и современной литературы въ особенности». При появленіи «Руслана и Людмилы» первое столкновеніе съ народною почвою ужаснуло и озадачило нашихъ критиковъ: «Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, возникающій среди океана россійской словесности»—восклицалъ одинъ изъ критиковъ. «Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова... Просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу»... Далѣе, выписывая и предоставляя на судъ читателей сцену Руслана съ богатырскою головою, критикъ просто приходитъ въ ужасъ: «увольте меня отъ подробнаго описанія»—говоритъ онъ съ негодованіемъ— «и позвольте спросить: если бы въ Московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться?.. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами?»

Тѣмъ не менѣе эта «шутка старины» въ «Русланѣ и Людмилѣ» свѣжа до сихъ поръ и мотивы ея коренятся въ нашемъ сердцѣ, а не въ ея сказачной фабулѣ и обстановкѣ.

Побѣды въ литературныхъ сферахъ давались Пушкину не безъ боя и ему приходилось упорно отбиваться отъ многочисленныхъ противниковъ à la Булгаринъ, Бурачекъ и т. д.; такое же междоусобіе онъ вносилъ съ собою и въ свѣтское общество, гдѣ женщины, кутежи съ друзьями, сплетни и клеветы едва не погубили поэта. При сильномъ темпераментѣ и жизнелюбіи онъ не мало выдерживалъ столкновеній съ «чернью» своего круга и изъ-за женщинъ, и за убѣжденія. Страсти разрушали его здоровье, но на враговъ онъ самъ дѣйствовалъ наскокомъ и осыпалъ ихъ не только въ глаза убивающими остротами, но и за очно цѣлымъ рядомъ злыхъ стиховъ и эпиграммъ. Византизмъ Фотія, казарменные идеалы Аракчеева или мистицизмъ кн. Голицына являлись мишенью его раздраженнаго ума, особенно послѣ знакомства съ извѣстнымъ Чаадаевымъ. Но враги были многочисленны и Пушкинъ понималъ ихъ силу, когда писалъ Жуковскому:

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ, шумливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ.
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата!

Роль Чацкаго для Пушкина кончилась тѣмъ, что въ административныхъ сферахъ стали появляться слухи объ отправкѣ его на заточеніе въ Соловецкій монастырь и, только при заступничествѣ петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича и директора Лицея Энгельгардта, Государь приказалъ выслать Пушкина на службу въ Екатеринославъ къ генералу Инзову, попечителю колонистовъ въ южномъ краѣ, при бумагѣ, въ которой сказано: «нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный человѣкъ; нѣтъ и того совершенства, котораго онъ не могъ бы достигнуть громаднымъ превосходствомъ своихъ дарованій».

Такимъ образомъ на 21 году онъ уже дѣлается ссыльнымъ. Генералъ Инзовъ позволилъ ему съ Раевскими посѣтить Кавказъ и Крымъ. Поэтъ, влюбившись въ дорогѣ въ одну изъ дочерей Раевскаго, началъ писать «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ». Съ переводомъ Инзова въ Кишиневъ намѣстникомъ Бессарабіи, Пушкину позволили переѣхать туда же, но не въ Петербургъ. Не находя примѣненія своимъ силамъ въ провинціальномъ обществѣ и подчиняясь обаянію байроновскаго демонизма, Пушкинъ написалъ «Братья разбойники» и принялся за начало «Евгенія Онѣгина».

Увлекаясь въ Кишиневѣ большую часть времени то цыганками (Людмила и Стеша), то гречанками (Калипсо), Пушкинъ постоянно рвался изъ изгнанія на новыя мѣста и, въ концѣ 1823 года, получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Одессу на службу въ канцелярію начальника южнаго края, графа Воронцова. Послѣдній не взлюбилъ поэта за независимый его характеръ и полную неспособность къ подчиненной роли чиновника. Графъ Воронцовъ попросилъ удаленія Пушкина изъ Одессы подъ тѣмъ изумительнымъ предлогомъ, что «здѣсь есть много людей, которые, будучи восторженными поклонниками поэзіи Пушкина, выказываютъ ему дружеское свое участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его, и оказываютъ ему чрезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ, какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона».

Донесеніе это совпало съ перехваченными письмами поэта о религіозныхъ его вѣрованіяхъ откровенно написанными, и было постановлено выслать его въ имѣніе къ роднымъ, въ Псковскую губернію.

II.

Село Михайловское. Москва и Петербургъ. Кончина Пушкина.

Цѣлыхъ четыре года провелъ поэтъ въ ссылкѣ на югѣ и продолжалъ ее въ селѣ Михайловскомъ, куда прибылъ въ августѣ 1824 года. Здѣсь онъ еще два года былъ прикрѣпленъ къ мѣсту и первое время подъ надзоромъ своего отца, оказавшагося невыносимымъ для сына. Въ «Исторіи русской литературы» П. Полевой замѣчаетъ, что «легкомысленный и вмѣстѣ трусливый Сергѣй Львовичъ не только не отказался отъ этого щекотливаго порученія, но даже слишкомъ добросовѣстно и неуклюже принялся за буквальное исполненіе желанія начальника края. Онъ сталъ слѣдить за сыномъ, какъ за 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, распечатывать и читать его письма, воспрещать сестрѣ и брату сношенія съ Александромъ Сергѣевичемъ — «avec ce monstre, ce fils dénaturé», а когда Александръ Сергѣевичъ, возмущенный этимъ способомъ дѣйствій, сталъ противиться ему всѣми мѣрами, отецъ рѣшился даже взводить на него обвиненія въ небывалыхъ проступкахъ. Тогда Пушкинъ, желая во что бы то ни стало избавить себя отъ опеки отца, обратился къ Жуковскому, и только при его заступничествѣ тягостное положеніе поэта въ Михайловскомъ измѣнилось къ лучшему. Слабодушный Сергѣй Львовичъ махнулъ на «чудовище» рукою, отказался отъ всякихъ сношеній съ нимъ и уѣхалъ въ октябрѣ 1824 г. изъ Михайловскаго, и надзоръ за поэтомъ перешелъ къ Опочецкому предводителю дворянства, да сверхъ того, для религіознаго его руководствованья назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря».

Въ какой мѣрѣ жизнь въ с. Михайловскомъ была тяжела для Пушкина — можетъ служить воспоминаніе И. Пущина. Когда Пущинъ пріѣхалъ въ село Михайловское, то онъ встрѣтилъ Пушкина «на крыльцѣ босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда со мной происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охабку и тащу въ комнату. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надо прикрыть наготу, я не подумалъ о заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8 часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ почти голый, другой — весь забросанный снѣгомъ. Пущинъ привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума». Пушкинъ былъ очень доволенъ этой тогда рукописной комедіей, до того ему почти вовсе не извѣстной. Послѣ обѣда, за чашкой кофе, онъ началъ читать ее вслухъ.

Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу; Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четьи-Минею. Пущинъ спрочилъ, что это значитъ? Прежде чѣмъ онъ могъ получить отвѣтъ, въ комнату вошелъ низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался Пущину настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Пушкинъ попросилъ его сѣсть. Монахъ сталъ извиняться, что, можетъ быть, помѣшалъ, потомъ сказалъ, что, узнавши фамилію проѣхавшаго, онъ ожидалъ найти знакомаго ему П. С. Пущина, котораго очень давно не видалъ. Завязался разговоръ, подали чай. Монахъ выпилъ два стакана чаю съ ромомъ и началъ прощаться, извиняясь, что прервалъ товарищескую бесѣду.

Пущину было неловко за Пушкина, который, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Онъ высказалъ ему свою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Перестань, любезный другъ,—сказалъ Пушкинъ,—вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ вздорѣ».

При этихъ условіяхъ жизни поэтъ тѣмъ не менѣе внутренно росъ, освобождаясь отъ французскихъ образцовъ и байронически отвлеченныхъ типовъ, и обращаясь къ реальнымъ въ живой дѣйствительности и русской народности. Въ періодѣ двухлѣтней ссылки въ с. Михайловское поэтъ продолжалъ писать «Евгенія Онѣгина» и написалъ «Бориса Годунова», которыми знаменуется независимое и самобытное творчество Пушкина. Самъ Императоръ Николай Павловичъ гордится національнымъ поэтомъ и восхищается естественными типами его произведеній. Онъ разрѣшаетъ ему проживаніе въ Москвѣ и въ Петербургѣ, куда поэтъ пріѣхалъ осенью 1826 г. Лучшія шесть лѣтъ молодой жизни поэта протекли въ изгнаніи и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ не смѣлъ писать ни строчки безъ просмотра Бенкендорфа или самого Государя.

Въ 1828 г. онъ написалъ «Полтава, въ 1832 г.—«Дубровскій», въ 1833 г.—«Капитанская Дочка», «Мѣдный Всадникъ» и т. д. Въ 1836 г. Пушкинъ началъ издавать журналъ «Современникъ». Значеніе Пушкина, между прочимъ, прекрасно въ Москвѣ воспѣто въ кантатѣ К. Фофанова на столѣтнемъ чествованіи дня рожденія Пушкина, а также прекрасно выражено тамъ же въ слѣдующей рѣчи г. Якушкина: «Пушкинъ говорилъ самъ и притомъ въ оффиціальной бумагѣ, что онъ имѣлъ на все сословіе писателей гораздо больше вліянія, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ. Эта высокая оцѣнка не преувеличена. Значеніе Пушкина, какъ распространителя идеи просвѣщенія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, громадно. Пушкинъ связанный близкими отношеніями съ передовыми людьми 20-хъ го довъ, раздѣлялъ въ общемъ ихъ убѣжденія. Спасшійся отъ декабрьской бури, онъ сохранилъ свои общественные идеалы, но измѣнилъ

взгляды на средства для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь. Онъ постоянно стремился къ созданію честной публицистики, какъ необходимаго условія правильной общественной жизни и какъ средства проводить свои убѣжденія. Пушкинъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, что̀ могъ, и благодаря ему иден двадцатыхъ годовъ нашли легче доступъ къ молодому поколѣнію 30-хъ годовъ. Въ этомъ великая заслуга Пушкина, до сихъ поръ еще не вполнѣ оцѣненная. Имя Пушкина не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи русскаго искусства, но оно же должно несомнѣнно занимать одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей общественности. Пушкинъ великъ не только тѣмъ, «какъ онъ писалъ», но и тѣмъ, что̀ онъ писалъ, какую «сумму идей» заключаютъ его сочиненія».

Знакомый со многими декабристами и открыто признавшійся императору Николаю въ томъ, что будь онъ 14 декабря въ Петербургѣ, онъ былъ бы въ рядахъ бунтовщиковъ [1]), Пушкинъ очень скоро понялъ невозможность въ Россіи быстрыхъ перемѣнъ коренныхъ основъ ея политической исторіи и въ письмѣ къ Жуковскому выражалъ свое profession de foi слѣдующими словами: «каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости». Не становясь въ открытую борьбу съ побѣдившимъ строемъ вещей, Пушкинъ содѣйствуетъ своимъ талантомъ выработкѣ лучшаго міросозерцанія и душевнаго строя людей въ частныхъ и правительственныхъ сферахъ. Слава Пушкина растетъ въ томъ самомъ реальномъ направленіи, выразителемъ котораго вскорѣ явился Гоголь. Но поэту недоставало глубокаго и личнаго счастья.

---

[1]) Въ роковой 1825 г. Пушкинъ жилъ въ с. Михайловскомъ, изъ котораго ему было запрещено выѣзжать. «Вдругъ, разсказываетъ Даль, до него доходятъ слухи о кончинѣ императора, потомъ объ отреченіи отъ престола цесаревича. Пушкинъ хотѣлъ узнать положительно, сколько правды въ носящихся разнородныхъ слухахъ, что дѣлается у насъ и что будетъ; онъ вдругъ рѣшился выѣхать изъ деревни, разсчитавъ время такъ, чтобы прибыть въ Петербургъ поздно вечеромъ и потомъ черезъ сутки же вернуться. Поѣхали; на самыхъ выѣздахъ была уже, не помню какая, дурная примѣта, замѣченная дядькою, который исполнялъ приказанія своего барина неохотно. Отъѣхавъ не охотно отъ села, Пушкинъ сталъ уже раскаиваться въ предпріятіи этомъ, но ему совѣстно было отъ него отказаться. Вдругъ дядька указываетъ съ отчаяннымъ возгласомъ на зайца, который перебѣжалъ впереди коляски дорогу. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дядьки, сказавъ, что, кромѣ того, позабылъ что-то нужное дома, и воротился. А если бы, замѣчаетъ Даль, — Пушкинъ не послушался на этотъ разъ зайца, то пріѣхалъ бы въ столицу поздно вечеромъ 13-го декабря и остановился бы у одного изъ товарищей своихъ по лицею, который кончилъ бѣдственное поприще свое на другой день»...

(См. Л. Майковъ. Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ прилож. портрета Пушкина. Спб. 1899).

Поднадзорная жизнь его на югѣ Россіи не приносила ему нравственнаго успокоенія и множество доступныхъ любовницъ попирали въ немъ потребность благоговѣйнаго обожанія женщины. Онъ былъ несчастенъ именно тѣмъ, что для души его оставалось любить одну литературу, пока въ 1830 году онъ не встрѣтилъ Наталью Николаевну Гончарову, красота которой казалась ему символомъ нравственности и эта встрѣча была для поэта роковой. Въ Февралѣ 1841 года онъ женился на этой свѣтской красавицѣ, съ которой нужно было ему выѣзжать ко двору въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ и которая нисколько не интересовалась его писательской славой, и мало читала его. Она была болѣе парой для Гекерена-Дантеса, убившаго на дуэли Пушкина 27 января 1837 года, чѣмъ для послѣдняго. Это неравенство въ супружеской жизни погубило и безъ того несчастнаго Пушкина. Племянникъ Пушкина, Левъ Павлищевъ, въ (№ 8333 за 1899 г.) нумерахъ «Новаго Времени», оправдывая отъ суда потомства жену Пушкина, даетъ тѣмъ не менѣе многія противъ нея показанія. Ну, какая это подруга жизни, думали мы, читая его фельетоны, которая никогда не звала мужа по имени, а всегда «Пушкинъ» и дразнила его своими ухаживателями; а послѣ его убіенія на дуэли оправдывалась тѣмъ, что она только кокетничала съ Дантесомъ и не виновата въ томъ, что она красива и остроумна и что, въ свою очередь, Дантесъ забавными выходками и мертваго разсмѣшитъ, несмотря на то, что мужъ предостерегалъ ее отъ амикошонства съ этимъ кавалергардомъ и напоминалъ ей, что, угощая человѣка селедкой, нужно будетъ дать ему и воды напиться.

Глубокой мудростью звучатъ слова Пушкина, обращенныя къ женѣ: «Кокетство не въ модѣ и считается признакомъ дурного тона... Требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во всѣ тяжкія не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышней, все, что не comme il faut, все, что vulgar».

Но красавица жена продолжала съ Дантесомъ по прежнему танцовать катильоны и мазурки, заслушиваясь его анекдотовъ и легкомысленно рискуя своей репутаціей. Пушкинъ ревновалъ, а когда въ анонимныхъ письмахъ его начали величать «коадъюторомъ и исторіографомъ ордена рогоносцевъ», онъ рѣшился стрѣляться съ Гекереномъ-Дантесомъ и умеръ «съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести»... Смерть Пушкина — національное горе,— воскликнулъ при этомъ извѣстіи Императоръ Николай Павловичъ; но и жизнь Пушкина была также исполнена большого горя и всегда таившагося пожара, раздуваемаго «коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ»...

Его литературная слава сопровождалась борьбою съ Ломоносов-

скими и Державинскими преданіями; борьбою въ себѣ самомъ французоманіи съ байронизмомъ и конечнымъ торжествомъ самостоятельнаго творчества, при которомъ русская литература изъ пріятнаго препровожденія времени диллетантовъ становится національнымъ достоинствомъ страны и одной изъ могучихъ ея силъ. Но это торжество поэта отравлено поднадзорной жизнью въ провинціяхъ, цензурой Бенкендорфа въ Петербургѣ и ужасной семейной драмой, имѣющей до сихъ поръ множество неразъясненныхъ сторонъ. Легко понять инстинктивную ненависть къ нидерландскому посланнику Гекерену, которую Пушкинъ почувствовалъ къ интригану и развратнику при первой съ нимъ встрѣчѣ. Но какимъ образомъ усыновленный Гекереномъ Дантесъ одновременно ухаживаетъ всюду за Пушкиной и ея сестрой, Екатериной Николаевной Гончаровой, и никто, въ томъ числѣ самъ Пушкинъ, наканунѣ вызвавшій Гекерена-Дантеса на дуэль, не мѣшаетъ жениться послѣднему на Екатеринѣ Николаевнѣ и даже въ виду этого бракосочетанія и родства отказывается отъ дуэли и признаетъ, что Дантесъ «велъ себя честнымъ человѣкомъ»? Это рѣшительно необъяснимо, если не предположить, что Пушкинъ имѣлъ всѣхъ трехъ противъ себя: жену, свояченицу и Дантеса. Двѣ близкихъ ему женщины могли легко уговорить его и увѣрить, въ чемъ угодно. Тѣмъ сильнѣе въ немъ вновь все вскипѣло и загорѣлась вражда къ Дантесу, когда Пушкинъ увидѣлъ, что свадьба ничего не измѣнила въ отношеніяхъ Дантеса къ Натальѣ Николаевнѣ, а напротивъ скорѣе приблизила его къ ней. Нужно имѣть въ виду, что Дантесъ женился 7 января, и тотчасъ же продолжалъ свое настойчивое ухаживаніе за Пушкиной, а 27 января убиваетъ на дуэли ея мужа. Обѣихъ сестеръ нисколько не поражаетъ поведеніе Дантеса тотчасъ же послѣ его свадьбы и Пушкину оставалось—либо дуэль съ Дантесомъ, либо въ минуту аффекта простымъ ножемъ перерѣзать кому нибудь горло... Конечно, отношенія Дантеса къ Пушкиной можно охарактеризовать простымъ флиртомъ, несмотря на то, что это слово позднѣйшаго происхожденія и что такія властныя и привыкшія къ побѣдамъ лица, какъ кавалергардъ Дантесъ и свѣтская красавица Пушкина, едва-ли могли находить удовольствіе въ продолжительномъ мечтаньи о счастьѣ «возможномъ и близкомъ». Не даромъ сынъ Дантеса въ разговорѣ съ сотрудникомъ «Новаго Времени» (отъ 12 іюня за № 8364) говоритъ слѣдующее:

— Одинъ разъ здѣсь, въ Парижѣ... Мнѣ было 12 лѣтъ и я шелъ съ отцомъ по rue de la Paix. Вдругъ я замѣтилъ, что онъ сильно поблѣднѣлъ, отшатнулся назадъ и глаза его остановились. Навстрѣчу къ намъ шла стройная блондинка, съ начесами à la Vierge. Замѣтивъ насъ, она тоже на мгновеніе остановилась, сдѣлала шагъ въ нашу сторону, но потомъ обогнула насъ и прошла мимо, не

взглянувъ. Отецъ мой все стоялъ какъ вкопанный. Не отдавая себѣ отчета, съ кѣмъ онъ говоритъ, онъ обратился ко мнѣ:

— Знаешь кто это? Это—Наташа.

— Кто такая Наташа?—спросилъ я.

Но онъ уже опомнился и пошелъ впередъ.

Странно, что черезъ десятокъ болѣе лѣтъ Гекеренъ-Дантесъ теряется при встрѣчѣ съ Пушкиной и называетъ ее «Наташей»... Можетъ быть въ этомъ слышится крикъ совѣсти передъ женщиной, у которой онъ убилъ мужа и съ которой связанъ каторжной цѣпью воспоминаній на всю жизнь? Можетъ быть это не откликъ умолкшихъ и нѣжныхъ чувствъ, но страшнаго горя и потребности успокоенія честнаго человѣка? Эти вопросы, возникающіе при анализѣ семейной жизни Пушкиныхъ, можетъ быть разъяснятся только тогда, когда будетъ обнародованъ дневникъ А. С. Пушкина, имѣющійся по слухамъ въ рукахъ близкихъ ему людей и до сихъ поръ не обнародованный ими по личнымъ соображеніямъ.

Можетъ быть тогда разъяснятся и отпадутъ многочисленные упреки по адресу Н. Н. Пушкиной, вырвавшіеся такъ естественно изъ подъ пера г-жи Шабельской: «Поэтъ былъ слишкомъ добръ и мягокъ, чтобы запретить любимой красавицѣ выѣзды и кокетство, слишкомъ гордъ, чтобы показать свои опасенія и страданія. А нашъ братъ, баба, такъ удивительно искусно ничего не видитъ, конечно, только тогда, когда не хочетъ видѣть. Но даже если Н. Н. Пушкина и не замѣчала ревности мужа, то она не могла не замѣтить того, что заставляетъ его жить не по средствамъ. Этого скрыть нельзя было, да Пушкинъ и не скрывалъ. Но избалованная красавица не обращала ни малѣйшаго вниманія на прозрачныя жалобы его писемъ. Она продолжала «блистать» на балахъ, не соображая, чего стоили мужу ея «блистанія»—туалеты и куафюры, и не думала беречь драгоцѣнный талантъ, ввѣренный ей Богомъ... Зѣвалъ же Пушкинъ на балахъ и кормилъ аристократическихъ дураковъ, презираемыхъ имъ и презиравшихъ его, въ угоду красавицѣ женѣ. Въ этомъ первая и самая главная вина Натальи Николаевны! Вторая въ томъ, что она допустила развиться низкой сплетнѣ, не прекративъ ее сразу. Это не такъ трудно было въ началѣ... Вѣдь она знала, что салонные сплетники связываютъ ея имя съ именемъ моднаго Донъ-Жуана, не проще-ли всего было женѣ Пушкина прервать всѣ сношенія съ Дантесомъ, уѣхать въ деревню, запереться въ монастырѣ, словомъ вести себя такъ, чтобы даже свѣтской клеветѣ невозможно было придраться къ ея поведенію. Есть имена, налагающія тяжелыя обязанности, за коихъ они платятъ славой!.. «Жена Цезаря не должна быть подозрѣваема». Это изреченіе всегда останется справедливымъ. Всякая женщина знаетъ, что самому отчаянному ловеласу скоро надоѣдаетъ волочиться за женщиной, не подающей ему никакой надежды. Кокетство-же, въ сущности, ни что иное,

какъ подаваніе надежды, исполненіе которой замѣтно откладывается по причинамъ, не зависящимъ отъ самой кокетки. Не такъ-ли господа? Не такъ-ли, mesdames? А если такъ, то имѣетъ-ли право замужняя женщина, жена человѣка, окруженнаго врагами и завистниками, кокетничать? Дантесъ «faisait son métier d'homme». Онъ ухаживалъ за кокетливой свѣтской красавицей, какъ это «принято» въ «свѣтѣ». Отъ Н. Н. Пушкиной зависѣло терпѣть его ухаживаніе или разъ и на всегда, «отвадить» его. Вѣдь это такъ не трудно. Сказать одно рѣшительное «нѣтъ». Серьезно и безъ улыбки, и ловеласъ оставитъ каждую въ покоѣ и станетъ искать добычи болѣе доступныхъ красавицъ! Обольстить можно только совершенно наивнаго ребенка, въ обольстителей взрослыхъ женщинъ, ей Богу-же, ни одна взрослая женщина не повѣритъ. Можно изнасиловать тѣло, но не душу. Кокетки же душу свою отдаютъ на забаву разнымъ флиртерамъ. Тому лепестокъ пышной росы, тому другой, глядишь, и остался одинъ голый стебель съ острыми шипами.—Это для мужа»...

Безъ обнародованія дневника великаго поэта едва-ли удастся разобраться въ этихъ запутанныхъ отношеніяхъ супруговъ Пушкиныхъ. Вѣдь если многое можно сказать противъ Наталіи Николаевны, то и намъ братъ, мужчина, повиненъ въ томъ, что выбираетъ себѣ жену всегда зажмуря глаза, по словамъ Н. Г. Чернышевскаго такъ, что «честный человѣкъ никогда не знаетъ и не можетъ сказать, какъ онъ женился». Услыхавъ, что въ Москвѣ показалась необыкновенная красавица Н. Н. Гончарова, Пушкинъ уже по слухамъ былъ влюбленъ въ нее и рѣшилъ при первомъ взглядѣ на нее, какъ Лассаль въ романѣ съ Еленой Деннигесъ, что она должна быть его женой. Руководясь воображеніемъ и опоэтизировывая художественной чувственностью плѣнительный образъ Натальи Николаевны, Пушкинъ очень мало стремился въ лучшій періодъ взаимной влюбленности къ тому, чтобы перевоспитать свою жену и облагородить ея вкусы. Женщина всегда черезъ перваго мужчину узнаетъ жизнь и жалокъ тотъ изъ нихъ, который не поведетъ жену къ лучшимъ цѣлямъ жизни, а самъ подчинится ея праздными требованіямъ и сдѣлается только по временамъ бунтующимся рабомъ въ супружествѣ съ нею. Люди, хорошо знающіе реальную жизнь, вполнѣ поймутъ обманутаго мужа, оправдывающаго свою жену въ повѣсти одной писательницы слѣдующими словами:

— Мало любила, коли могла разлюбить и бросить! А бросила ты меня за то, что я былъ слабъ, стала презирать—и совершенно права, слышишь, права! Мужчина, который весь подавленъ любовью, не въ силахъ ни руководить женой, ни отстоять передъ нею свое достоинство, ни высказать ей все свое отвращеніе къ пошлому заигрыванію на его глазахъ съ другими мужчинами,—

ничего кромѣ презрѣнія не стоитъ. Вѣдь я стоялъ въ дверяхъ зеленой комнаты и видѣлъ, какъ въ чужомъ домѣ, гдѣ каждый лакей могъ подсмотрѣть за тобой, ты сидѣла чуть не на колѣняхъ у посторонняго мужчины. И когда я далъ вамъ знать о своемъ присутствіи, вошелъ, и ты стояла уже одна, нагло глядѣла мнѣ въ глаза, смѣялась надо мной, — я не посмѣлъ сказать тебѣ ни слова, пойми: не посмѣлъ! Я только увезъ тебя съ бала. И за эту дерзость ты бросила меня.

Много поучительнаго представляютъ собою эти слова и семейная жизнь Пушкиныхъ и, конечно, только потому потомки и интересуются ею. Дѣло не въ именахъ, но въ психологическомъ и бытовомъ вопросѣ, вѣчно новомъ для насъ: погибъ ли Пушкинъ отъ пули Дантеса или отъ своенравія красавицы жены? Или, наконецъ, въ его семейной драмѣ не виноватъ ли болѣе всего онъ самъ, искавшій всегда художественнаго счастья, а не того, которое давалось ему непосредственно жизнью, и надъ которымъ надо всегда самому поработать, чтобы возвысить его до поэзіи? Не подчинялся ли Пушкинъ въ ранней молодости примѣру большинства мужчинъ, которые, вопреки страданіямъ кн. Нехлюдова въ «Воскресеніи», легко бросаютъ на произволъ судьбы женщинъ, если онѣ окажутся не парой имъ, и не воспиталъ ли онъ этимъ самымъ въ собственной женѣ такое же и къ себѣ отношеніе, не будучи уже самъ, въ пожиломъ возрастѣ, въ состояніи разойтись съ нею, когда ему въ свою очередь грозили охлажденьемъ и нравственнымъ мезальянсомъ въ жизни?

Подъ этими жгучими вопросами погребенъ Пушкинъ и кто глубже вникнетъ въ нихъ, тому они кажутся значительными въ жизни каждаго изъ насъ.

III.

Пушкинскія празднества и ихъ итоги.

Обозрѣніе торжественнаго чествованія памяти Пушкина въ Россіи слѣдуетъ начать съ Москвы — мѣстарожденія, 26 мая 1799 года, А. С. Пушкина и кончить въ Святыхъ Горахъ, гдѣ находится могила поэта. Празднество въ этотъ день открыли дѣти, собравшіяся въ $8^1/_2$ часовъ утра, въ городскомъ манежѣ, около трехъ тысячъ человѣкъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній,—во главѣ съ попечителемъ Московскаго учебнаго округа г. Некрасовымъ. Всѣ направились къ памятнику Пушкина на Страстную площадь, уже съ ранняго утра переполненную народомъ. Послѣ пѣнія кантатъ, возложенія вѣнковъ на памятникъ депутаціями и рѣчей, присутствовавшіе отправились на митрополичью службу въ церковь Богоявленія, въ Елохово, находящееся въ мѣстности, гдѣ родился великій поэтъ.

Дон. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.

Въ три часа этого же дня чествованіе Пушкина открылось въ Московскомъ университетѣ рѣчью ректора, проф. Зернова. Послѣ него говорили профессора Стороженко, Кирпичниковъ, Муромцевъ и Ключевскій. Вечеромъ въ 6 часовъ состоялся обѣдъ въ гостинницѣ «Эрмитажъ», на которомъ говорили о Пушкинѣ и судьбахъ литературы гг. Веселовскій, Чупровъ и В. Острогорскій. Послѣдній напомнивъ, что Пушкинскія торжества въ 1880 году происходили при участіи однихъ только писателей, отмѣтилъ, что въ настоящихъ торжествахъ принимаетъ большое участіе учащаяся молодежь, и выразилъ увѣренность, что будущій Пушкинскій юбилей приметъ характеръ народнаго праздника, и тогда дѣйствительно слухъ о немъ пройдетъ по всей Руси великой. Большое впечатлѣніе произвели стихи К. Фофанова, едва ли не лучшія за все время празднествъ. Приводимъ ихъ цѣликомъ:

Въ свѣтломъ мірѣ упованія,
Для любви и для добра
Расцвѣли твои созданія
И назрѣла ихъ пора:
Оживились, воплотились
Въ нашу жизнь, и въ духъ, и въ кровь.
Мы ужъ ими вдохновились,—
Вдохновляться будемъ вновь.
Всемогущій и торжественный,
Вѣчно юный, звучный стихъ,—
Нашъ великій, нашъ божественный,
Не умолкъ—и не затихъ.
Пѣсни дивныя, свободныя,
Какъ сказанія народныя,
Не промчались вы сномъ!
Никогда вы не обманете...
Пушкинъ, ты паришь орломъ,—
И твоей безсмертной памяти
Нынѣ славу воздаемъ!

* * *

Хвала тебѣ, нашъ добрый геній,
Россіи сладостный баянъ!
Безсмертенъ сонмъ твоихъ видѣній:
Твоя Татьяна, твой Евгеній,
Твоя Людмила, твой Руслапъ!
Хвала тебѣ, и честь, и слава!
Ликуй, взошла твоя звѣзда;
Твой «Мѣдный всадникъ» и «Полтава»
Запечатлѣны навсегда!
Слава великому,
Слава прекрасному,
Мощно создавшему
Русскій языкъ!
Въ міръ всеобъемлющій,
Въ міръ вдохновенія
Духъ нашъ съ тобою,
О Пушкинъ, проникъ.

Память великая,
Память безсмертная
Нашему Пушкину
Въ славной судьбѣ.
Міръ всеобъемлющій,
Міръ вдохновенія
Намъ открывающій,
Слава тебѣ!

Обѣдъ кончился предложеніемъ Н. Златовратскаго открыть среди присутствующихъ сборъ денегъ въ пользу голодающихъ.

На слѣдующій день, 27 мая, «Общество любителей россійской словесности» устроило торжество въ залѣ дворянскаго собранія, открывшееся рѣчью кн. Цертелева: «Взгляды Пушкина на поэзію» въ духѣ, якобы, безъидейнаго «чистаго искусства». Затѣмъ говорили иныя рѣчи г. Шенрокъ — о духовной связи Пушкина съ Гоголемъ и г. Якушкинъ объ «общественныхъ взглядахъ Пушкина». Затѣмъ, шли рѣчи другихъ ораторовъ и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Вечеромъ въ томъ же дворянскомъ собраніи состоялся литературно-музыкальный концертъ, о которомъ въ «Нов. Вр.» сказано: «Программа его поражала своей бѣдностью, исполнители, по большей части, были совсѣмъ неизвѣстны публикѣ. Вообще, какъ это ни грустно, а составъ исполнителей совсѣмъ не подходилъ къ высокоторжественнымъ днямъ. Одно искупало погрѣшности,—оркестръ, подъ управленіемъ директора консерваторіи В. И. Сафонова. Публика не скупилась на аплодисменты, но это были овацiи—въ память Пушкина, самому Пушкину, потому что «прелесть живая стиховъ» великаго поэта ласкала слухъ своей гармоніей. Публика въ слухъ говорила о томъ, почему не собранъ сюда цвѣтъ артистическихъ силъ? Почему не читаютъ литераторы съ именами?» и т. д.

Торжества происходили также: въ «Обществѣ любителей естествознанія», гдѣ проф. В. Миллеръ читалъ докладъ: «Пушкинъ, поэтъ-этнографъ»; пр. Анучинъ «объ африканскомъ элементѣ въ природѣ Пушкина»; въ «лагерѣ Александровскаго военнаго училища», въ «Лазаревскомъ институтѣ» и въ «Историческомъ музеѣ», гдѣ торжество было устроено «Обществомъ содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій». Музей былъ переполненъ ремесленниками и фабричными. 28 мая торжества происходили при участіи почти тѣхъ же лицъ, что и ранѣе, а 29 мая открылась въ Историческомъ музеѣ «Пушкинская выставка» изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Ганнибаламъ и самому Пушкину. Практическіе результаты чествованій Пушкина въ Москвѣ выразились въ слѣдующемъ: городской голова-князь В. Голицынъ заявилъ 26-го мая въ университетѣ, что московская городская дума постановила увѣковѣчить столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина сооруженіемъ зданія народной аудиторіи съ читальней при ней, въ мѣстности, близкой къ дому, въ которомъ онъ родился. Дабы не откладывать исполненіе сего на продолжительное время, которое требуется для постройки, городское управленіе рѣшило нынѣ же открыть аудиторію съ читальней временно въ наемномъ помѣщеніи, уже пріисканномъ. Помимо сего предпо

лагается открыть нѣсколько начальныхъ училищъ имени А. С. Пушкина и попеченіе о нихъ ввѣрить сыну и внукамъ его. Наконецъ, проектируется учрежденіе одной стипендіи его имени въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ случаѣ успѣшнаго окончанія стипендіатомъ курса въ нихъ, переводить и для продолженія его образованія въ высшихъ. Стипендію эту предположено предназначать для дѣтей и потомковъ извѣстныхъ русскихъ писателей, и городское управленіе разсчитываетъ предоставить ее правнуку покойнаго Александра Сергѣевича.

Московское мѣщанское общество, постановило вносить ежегодно въ свою смѣту сумму на содержаніе одного воспитанника въ московской гимназіи и одного студента въ Московскомъ университетѣ съ наименованіемъ стипендій «Пушкинскими».

Центральная библіотека при московскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, въ ознаменованіе 100-лѣтней годовщины А. С. Пушкина, открыла при библіотекѣ особый Пушкинскій отдѣлъ. Всѣ вновь вышедшія изданія сочиненій Пушкина для означеннаго отдѣла пожертвованы въ библіотеку товарищемъ предсѣдателя П. П. Петровымъ, имъ же пожертвованы бюсты и портреты поэта, а также для раздачи всѣмъ подписчикамъ библіотеки брошюры о Пушкинѣ съ его портретомъ и съ рисункомъ памятника.

Совѣтъ Строгановскаго училища постановилъ учредить 5 стипендій имени А. С. Пушкина для живущихъ въ училищѣ воспитанниковъ. Изъ московскихъ изданій о Пушкинѣ слѣдуетъ упомянуть работы г. Якушкина.

Въ Петербургѣ было замѣтно отсутствіе на торжествахъ наиболѣе видныхъ дѣятелей литературы, если не считать простые обѣды и ужины съ ординарными именами, рѣчами и тостами. Чествованіе Пушкина редакціей польской газеты «Край» 21-го мая свидѣтельствовало, что поляки чтутъ и знаютъ, за что имъ слѣдуетъ чтить Пушкина. Вечеромъ 25-го мая у «Контана» состоялся банкетъ и знакомство журналистовъ, прибывшихъ изъ-за границы на празднество; но изъ русскихъ литераторовъ присутствовали очень немногіе: гг. І. І. Ясинскій, Я. Гуревичъ, В. В. Комаровъ, Н. Э. Гейнце, А. Г. Блохъ, Б. Б. Глинскій, С. Пропперъ, редакторъ газеты «Народъ», г. Стечкинъ, А. М. Лесманъ, Прокофьевъ, Я. М. Готбергъ. Торжества главнымъ образомъ происходили 26 мая. Послѣ церковныхъ почестей памяти А. С. Пушкина и панихидъ въ Казанскомъ соборѣ, въ Конюшенной церкви придворнаго вѣдомства, въ домѣ кн. Волконскаго (на Мойкѣ № 12, гдѣ скончался поэтъ), во всѣхъ почти министерствахъ и учебныхъ заведеніяхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и другихъ окрестностяхъ столицы, состоялось торжественное засѣданіе академіи наукъ, происходившее въ залѣ С.-Петербургской консерваторіи.

По прибытіи августѣйшихъ особъ, великій князь Константинъ Константиновичъ открылъ засѣданіе чтеніемъ телеграммы, присланной Государемъ Императоромъ.

«Не имѣя возможности присутствовать въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, посвященномъ чествованію столѣтія со дня рожденія великаго Пушкина, Я сердцемъ и умомъ участвую въ празднествѣ, въ которомъ въ этотъ знаменательный день сливается вся Россія. «НИКОЛАЙ»

Затѣмъ Великій Князь прочиталъ указъ Его Величества правительствующему сенату о празднованіи столѣтія со дня рожденія Пушкина и учрежденіи новаго отдѣленія россійской словесности при академіи наукъ слѣдующаго содержанія:

«Одушевляемые горячею любовію къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ державными предками Нашими, признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію его императорскаго высочества великаго князя президента Академіи Наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской Академіи Наукъ, посвященныхъ его памяти, разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

«Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской Академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семъ отдѣленіи новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

«Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскихъ писателей, а также словаря русскаго языка и другихъ трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ.

«Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

«1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, учредить во второмъ ея отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ.

«2) На образованіе Пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ второму отдѣленію Академіи Наукъ суммъ, 15.000 рублей.

«3) Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по министерству народнаго просвѣщенія, начиная съ 1900 года.

«Мы твердо вѣримъ, что второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ занятій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.
29-го апрѣля 1899 года.

Послѣ продолжительныхъ криковъ «ура» великій князь произнесъ рѣчь по поводу юбилейнаго торжества, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Правительство приняло на себя заботу по охраненію дорогой для Россіи могилы поэта въ Святогорскомъ монастырѣ.

«Имѣніе Пушкиныхъ, село Михайловское, Опочецкаго уѣзда, Псковской губ. пріобрѣтено въ казну съ предоставленіемъ псковскому дворянству устроить въ усадьбѣ поэта какое либо благотворительное учрежденіе, связанное съ именемъ А. С. Пушкина.

«Разрѣшена повсемѣстная подписка на сооружаемый въ С.-Петербургѣ памятникъ безсмертному поэту.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности уже 10 лѣтъ какъ приступило къ академическому изданію произведеній Пушкина подъ редакціею академика Майкова. I томъ этого изданія вышелъ въ свѣтъ».

Затѣмъ говорили академикъ А. Н. Веселовскій: «о Пушкинѣ, какъ національномъ поэтѣ», и А. Ф. Кони «о нравственныхъ и общественныхъ идеалахъ Пушкина». Засѣданіе закончилось кантатой со словами поэта К. Р. и музыкою, А. Глазунова.

Въ 7 часовъ вечера состоялся подъ громкимъ названіемъ «обѣдъ печати и 12-ти соединенныхъ литературныхъ и художественныхъ обществъ» въ залѣ офицерскаго собранія на Литейной улицѣ; но крупныя имена литературы и на немъ отсутствовали. Здѣсь говорилось много рѣчей, и читалась масса телеграммъ изъ Праги, Филипополя, Бѣлграда, Софіи и наконецъ отъ Э. Золя.

Въ этотъ же день въ петербургскихъ садахъ и скверахъ состоялись народныя гулянья. Репертуаръ представленій въ садахъ, въ большинствѣ, былъ составленъ изъ доступныхъ пониманію произведеній поэта, въ видѣ оперъ, написанныхъ на слова Пушкина русскими композиторами, особыхъ драматическихъ спектаклей, дивертисмента, живыхъ картинъ и проч. При этомъ нѣкоторые изъ увеселительныхъ садовъ, на память о юбилейныхъ празднествахъ, выдавали своимъ посѣтителямъ спеціально заготовленные на этотъ случай жетоны и изящныя открытыя письма-карточки, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ. Въ общемъ, однако, на первый день пушкинскихъ празднествъ народныя гулянья далеко не вполнѣ удались вслѣдствіе ненастной погоды. Въ свою очередь, на всероссійское торжество откликнулись многія изъ столичныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, владѣльцы которыхъ устроили для своихъ служащихъ популярныя чтенія и туманныя картины, придерживаясь исключительно произведеній А. С. Пушкина. Нѣкоторыя изъ коммерческихъ предпріятій — къ сожалѣнію, немногія — совершенно не оперировали въ этотъ день, предоставивъ служащимъ полный праздничный отдыхъ. Въ городскихъ скверахъ, по распоряженію управы, играли военные оркестры. Между прочимъ, чтобы увѣковѣчить достойнымъ образомъ память чествуемаго поэта, коммерсанты большого Гостинаго двора возбудили вопросъ объ учрежденіи въ Маріинской женской гимназіи и Петровскомъ училищѣ 2 стипендій для учащихся имени Пушкина, а болѣе состоятельная интеллигентная часть публики, проживающей въ Новой Деревнѣ, безплатно раздала 26 мая бѣднымъ дѣтямъ по одному экземпляру дешевыхъ изданій произведеній Пушкина. Такія же изданія раздавались на станціи Удѣльной финляндской дороги, въ окрестныхъ деревняхъ и другихъ дачныхъ пунктахъ, ближайшихъ къ Петербургу.

27 мая въ залахъ Таврическаго дворца тѣ же представители отъ имени пе-

чати и 12 литературныхъ и художественныхъ обществъ устроили вечеръ, который не отличался ни блескомъ, ни интересною программой и почему-то почти весь былъ оперным. Гораздо болѣе удачнымъ вечеромъ слѣдуетъ, кажется, считать въ этотъ день домашнее торжество въ помѣщеніи рѣчнаго яхтъ-клуба, устроенное редакціей журнала «Жизнь». Среди участвующихъ находились сотрудники журналовъ: «Жизнь», «Русское Богатство», «Міръ Божій», «Начало», «Хозяинъ», нѣкоторые земцы, сотрудники провинціальныхъ изданій; всего собралось до 150 человѣкъ.

28 мая Императорскій Александровскій лицей чествовалъ память Пушкина, своего старѣйшаго воспитанника. Графъ Протасовъ-Бахметевъ открылъ торжество чтеніемъ высочайшихъ повелѣній объ учрежденіи въ лицеѣ стипендіи Пушкина для его потомковъ; объ учрежденій Пушкинской серебряной медали для ежегодной выдачи воспитанникамъ I и II класса за лучшія годовыя сочиненія и объ учрежденіи лицейскаго Пушкинскаго общества, имѣющаго цѣлью изученіе твореній великаго поэта и распространеніе ихъ во всѣхъ слояхъ народа.

Восторженнымъ «ура» и звуками народнаго гимна было встрѣчено это сообщеніе. Затѣмъ графъ Протасовъ-Бахметевъ сообщилъ о постановленіи думы, которымъ въ лицеѣ учреждается Пушкинская стипендія отъ города.

Министръ государственныхъ имуществъ и земледѣлія, А. С. Ермоловъ произнесъ стихи: «Три зари», въ которыхъ изображена судьба пушкинской музы, съ конечнымъ торжествомъ «правды кругомъ».

Затѣмъ, 30 мая, въ залахъ городской думы состоялся раутъ, и 31 мая въ ресторанѣ Мильбрета устроенъ былъ «Союзомъ писателей» ужинъ, не отличавшійся впрочемъ ничѣмъ особенно, кромѣ развѣ сбора денегъ въ пользу голодающихъ.

С.-Петербургская городская дума рѣшила устроить еще одну безплатную городскую читальню имени А. С. Пушкина, кромѣ двухъ уже существующихъ. Общество устройства дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ и домовъ трудолюбія рѣшило назвать именемъ Пушкина всѣ вновь открытыя въ настоящемъ году столовыя и чайныя.

С.-петербургское купечество учредило въ память А. С. Пушкина двѣ стипендіи имени поэта при Петровскомъ коммерческомъ училищѣ с.-петербургскаго купеческаго сословія по 125 рублей и двѣ стипендіи, по 120 руб. каждая, при с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ для дочерей впавшихъ въ бѣдность бывшихъ с.-петербургскихъ купцовъ. Кромѣ этого, среди купеческаго сословія столицы открыта подписка на постройку предпринимаемаго къ сооруженію въ Псковѣ дома въ память А. С. Пушкина съ цѣлью устройства въ немъ общеполезныхъ учрежденій имени поэта.

Вѣдомство святѣйшаго синода предполагаетъ назвать «Пушкинскими» устраиваемые въ настоящемъ году при с.-петербургской духовной семинаріи курсы для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Петербургскіе типографы собираютъ между собою пожертвованія для учрежденія Пушкинскаго фонда при недавно возникшемъ Обществѣ дѣятелей въ области печатнаго дѣла; наборщики же предполагаютъ собрать между собою средства, необходимыя

для устройства въ Петербургѣ школы имени А. С. Пушкина для обученія бѣдныхъ дѣтей типографскому дѣлу.

Нѣкоторыя изъ высшихъ учебныхъ заведеній обратились въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ — разрѣшить учредить при этихъ заведеніяхъ стипендіи имени А. С. Пушкина, средства на которыя составятъ суммы, вырученныя отъ продажи составленныхъ для чтенія 26 мая профессорами этихъ учебныхъ заведеній рѣчей о поэзіи Пушкина, отъ публичныхъ лекцій въ память Пушкина и отъ добровольныхъ пожертвованій. Министерство удовлетворило эти ходатайства.

Затѣмъ необходимо упомянуть, что на памятникъ А. С. Пушкина уже собрано нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Выставка его имени при Академіи Наукъ привлекала къ себѣ множество посѣтителей. Появился первый томъ «Сочиненія Пушкина», изданный академіей наукъ, въ которомъ по рукописямъ провѣренъ весь текстъ Пушкина и разбору котораго посвящена обстоятельная статья Б. Никольскаго: «Академическій Пушкинъ» въ «Истор. Вѣстн.» 1899 г. № 7. Чрезвычайно интересенъ трудъ Л. Н. Майкова: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко литературные очерки», гдѣ впервые дается наиболѣе полный матеріалъ къ изученію Пушкина. Въ книгѣ помѣщена статья: «Молодость Пушкина по разсказамъ его младшаго брата» до 1826 г. «Еще болѣе цѣнны, говоритъ г. Никольскій: матеріалы слѣдующей статьи — «Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ», впервые дающей исправный и полный текстъ этихъ записокъ. Къ нимъ примыкаютъ цѣликомъ впервые именно Л. Н. Майковымъ опубликованныя «Бессарабскія воспоминанія» А. Ѳ. Вельтмана, рисующія намъ жизнь поэта на югѣ Россіи во время его первой высылки. Затѣмъ идетъ очень интересный очеркъ «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ», гдѣ опубликовано любопытное и содержательное письмо послѣдняго къ поэту. Далѣе слѣдуетъ въ выдержкахъ, заключающихъ, по словамъ Л. Н. Майкова, все, что въ подлинникѣ есть наиболѣе любопытнаго, дневникъ А. Н. Вульфа, дающій много чрезвычайно цѣнныхъ, хоть и отрывочныхъ, свѣдѣній къ біографіи и творчеству Пушкина, а слѣдомъ за ними перепечатаны еще болѣе интересныя, прямо драгоцѣнныя, воспоминанія А. П. Керн, дополненныя Л. Н. Майковыхъ изъ другихъ ея статей и воспоминаній. Послѣ нихъ мы встрѣчаемъ двѣ статьи «Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ» (по «матеріаламъ Остафьевскаго архива») и «Пушкинъ о Батюшковѣ», дающія намъ цѣлый рядъ впервые обнародованныхъ Л. Н. Майковымъ замѣтокъ Пушкина на поляхъ сочиненій Батюшкова и критической статьи князя Вяземскаго объ Озеровѣ. Трудно дать понятіе о томъ, до какой степени мѣтки, вѣски, оригинальны и новы эти коротенькія замѣтки, порою въ 3—4 словахъ, вмѣщающія больше ума, вкуса и глубокомыслія, чѣмъ въ иной книгѣ на 3—4 листахъ печатныхъ. Засимъ, въ статьѣ «Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ» дается обзоръ отношеній Пушкина и Шевырева и печатаются съ рукописи замѣтокъ, составленныхъ со словъ Шевырева, воспоминанія послѣдняго съ обширными поясненіями издателя. Рядомъ помѣщена составленная на основаніи бумагъ изъ домашняго архива семейства Киселевыхъ

статья «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ», полная очень интересныхъ данныхъ и сообщеній. Въ слѣдущемъ затѣмъ очеркѣ «О поздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году» помѣщена интересная біографическая записка М. И. Пущина, доставленная въ свое время Анненкову черезъ посредство гр. Л. Н. Толстаго. Минуя затѣмъ біографію Натальи Кирилловны Загряжской, лишь косвенно относящуюся къ Пушкину, хотя во всякомъ случаѣ очень цѣнную для пониманія тѣхъ мѣстъ въ произведеніяхъ поэта, гдѣ онъ упоминаетъ объ этой замѣчательной женщинѣ, мы встрѣчаемъ послѣднюю статью книги — «Даль и Пушкинъ», гдѣ помѣщенъ короткій, но цѣнный набросокъ воспоминаній Даля и сообщено прелюбопытное описаніе современницею впечатлѣнія, которое произвелъ на казаковъ и казачекъ Пушкинъ своими разспросами о Пугачевѣ во время поѣздки въ Оренбургъ».

Къ юбилею Пушкина не остались глухи и военныя сферы.

Съ высочайшаго соизволенія изданъ «Сборникъ избранныхъ произведеній А. С. Пушкина» для разсылки его во всѣ роты, эскадроны, батареи и соотвѣтствующія имъ войсковыя подраздѣленія; всего для безплатнаго снабженія войскъ издано 12.200 экземпляровъ «Сборника», причемъ онъ распространенъ не только въ частяхъ собственно военнаго вѣдомства, но также во флотѣ, въ отдѣльныхъ корпусахъ пограничной стражи и жандармовъ, способствуя ознакомленію всѣхъ частей нашей вооруженной силы съ избранными твореніями славнаго русскаго поэта.

Были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать этотъ «Сборникъ», изданный подъ заглавіемъ «Русскому солдату на память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ», возможно болѣе полнымъ по содержанію и изящнымъ по внѣшности. Труды по составленію и изданію «Сборника» были возложены на особую комиссію при главномъ штабѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Бильдерлинга.

Дѣти по городамъ и весямъ также помянутъ добромъ «пушкинскіе дни». Во всѣхъ школахъ с.-петербургскаго уѣзднаго земства, по случаю юбилея, происходили чтенія съ туманными картинами на сюжеты изъ жизни Пушкина и его произведеній, при чемъ учащимся раздавались портреты поэта. Въ цѣляхъ развитія среди народа большаго знакомства съ произведеніями великаго поэта, земскія школьныя библіотеки будутъ значительно пополнены сочиненіями Пушкина. Въ начальныхъ школахъ духовнаго вѣдомства также состоялись пушкинскія чтенія, съ раздачей ученикамъ и ученицамъ сочиненій Пушкина.

Художественныя области также приняли участіе въ честь Пушкина. Въ газетахъ было упомянуто, что В. В. Матэ сдѣлалъ гравюру въ натуральную величину съ портрета Пушкина, писаннаго Кипренскимъ. Даровитый граверъ принялъ при этомъ въ соображеніеи другіе портреты, стараясь возможно лучше воспроизвести лицо поэта. Гравюра эта въ свое время поступитъ въ продажу. Портреты, явившіеся къ юбилею, въ маломъ и въ большомъ видѣ, плохи и даютъ Пушкина довольно фантастическаго. Московское общество архитекторовъ заказало гравюру съ портрета Пушкина, работы Тропинина, въ Лейпцигѣ или Берлинѣ; гравюра сдѣлана хорошо, но въ маленькомъ видѣ. Г. Матэ первый дастъ

намъ гравюру, которая будетъ изображать дѣйствительно Пушкина и въ такомъ размѣрѣ, который наиболѣе желателенъ.

Въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина Э. К. Шубертомъ изготовлены, при содѣйствіи художника М. А. Скуднова и гравера П. Фогдта, жетоны изъ серебра, двухъ форматовъ. Изображеніе поэта заимствовано съ большой медали, выпущенной академіей наукъ по поводу 75-лѣтія со дня рожденія Пушкина. Медаль была выгравирована извѣстнымъ художникомъ монетнаго двора Важенинымъ. По проекту г. Шуберта изображена на оборотной сторонѣ большого жетона надгробная урна, обвитая плющемъ, къ которой прислонена лира съ порванными струнами; подъ лирой—пальмовая вѣтвь и свертокъ съ обозначеніемъ года кончины поэта.

Спб. попечительный комитетъ о сестрахъ Краснаго Креста издалъ въ пользу больницы и курсовъ при общинѣ св. Евгеніи открытыя письма и карточки въ память поэта. Въ это изданіе входятъ портреты Пушкина, рисунокъ съ картины—«Пушкинъ въ Михайловскомъ» Ге, снимокъ съ картины В. М. Васнецова, рисунки на сюжеты изъ произведеній Пушкина, исполненные художниками М. А. Зичи, Елиз. М. Бемъ, А. и В. Шнейдерами, Н. Н. Каразинымъ и др. Кромѣ того, попечительный комитетъ издалъ сказку о «Рыбакѣ и Рыбкѣ» Пушкина въ рисункахъ художника Аѳанасьева. Въ настоящее время появился въ печати «Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ», съ 250 фототипически исполненными снимками съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр.

Нельзя также пропустить безъ вниманія признаніе государственными людьми Россіи высокаго званія писателя и надеждъ, что судьбы литературы могутъ современемъ быть дороги имъ наравнѣ съ другими основными сторонами нашего быта. Не менѣе драгоцѣнны для насъ привѣты отъ европейскихъ писателей: Э. Золя, Вогюэ, Аданъ, Ф. Коппе, Ж. Верна, М. Прево, Фагаццаро и т. п. «пушкинофиловъ», какъ они называютъ себя. Англійскій ученый Тэрнеръ написалъ книгу «Translations from Poushkin», въ которой переведены бѣлыми стихами 15 лучшихъ стихотвореній Пушкина, кромѣ того «Цыганы», «Полтава», «Моцартъ и Сальери», «Мѣдный всадникъ», «Каменный гость» и «Борисъ Годуновъ».

Множество переводовъ появилось на французскомъ языкѣ, польскомъ и на славянскихъ нарѣчіяхъ. Имя Пушкина, чествуемое въ прибалтійскихъ губерніяхъ, явилось проводникомъ на всей этой окраинѣ примиренія съ нами и удивленія передъ русскимъ геніемъ.

Провинція также много сдѣлала именемъ Пушкина полезнаго для себя. Въ г. Одессѣ, 25 мая, было устроено мѣстными литераторами и учеными въ Александровскомъ паркѣ общественное гулянье въ пользу устраиваемаго «Убѣжища инвалидовъ печати» имени Пушкина.

Въ г. Харьковѣ совершилась закладка большого пушкинскаго зданія для 900 учениковъ, сооружаемаго городомъ, на что ассигновано до 130.000 руб.

Въ г. Казани, по предложенію городского головы, дума постановила назначить премію въ 500 рублей за лучшее сочиненіе о Пушкинѣ и переводъ нѣ-

которыхъ его сочиненій на татарскій языкъ. На городскія средства открыта пушкинская столовая на 200 человѣкъ нуждающагося населенія.

Въ ознаменованіе столѣтія дня рожденія Пушкина городъ Вильна рѣшилъ отпускать по 1.000 рублей въ годъ на организацію ремесленныхъ курсовъ; переименовать городской скверъ въ Пушкинскій и поставить въ немъ бюстъ поэта; устроить въ городскомъ саду народное гулянье; раздавать безплатно сочиненія Пушкина. Купечество постановило открыть на свои средства коммерческое училище памяти Пушкина.

Въ г. Ковнѣ учреждена въ гимназіи стипендія имени поэта и открывается народная читальня.

Юхновское (Смоленской губерніи) уѣздное земство открываетъ въ текущемъ году пять новыхъ училищъ, которымъ присваивается наименованіе «Пушкинскихъ».

Въ Александріи, Херсонской губерніи, земствомъ постановлено ассигновать до 500 руб. для пріобрѣтенія 750 брошюръ съ избранными стихотвореніями и сказками А. С. Пушкина для раздачи ученикамъ въ земскихъ школахъ, а также для покупки тѣневыхъ картинъ къ сочиненіямъ Пушкина для волшебныхъ фонарей.

Въ г. Владикавказѣ общество распространенія образованія и техническихъ свѣдѣній среди горцевъ Терской области постановило увѣковѣчить память Пушкина устройствомъ во Владикавказѣ общежитія для учащихся горцевъ.

Большинство земствъ чествовало Пушкина цѣлымъ рядомъ мѣръ, содѣйствующихъ ознакомленію съ нимъ темныхъ массъ.

«Спб. Вѣд.» подводятъ слѣдующіе приблизительные итоги этихъ земскихъ постановленій:

Нѣсколько земствъ ассигновало суммы въ распоряженіе псковскаго комитета на организацію проектируемыхъ въ селѣ Михайловскомъ, родинѣ поэта, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Такъ, московское губернское земство ассигновало на этотъ предметъ 1.000 р., псковское—3.000 р., орловское—500 р., курское 1.000 р. Нѣкоторыя земства опредѣлили учредить въ память Пушкина особыя школы: черниговское губернское земство 15 образцовыхъ школъ, внося на нихъ въ смѣту расходовъ по 3.000 руб. ежегодно, до суммы 15.000 р., нижегородское—5.000 руб. на устройство въ селѣ Болдинѣ, Лукояновскаго уѣзда, «Пушкинскаго двухкласснаго училища» съ интернатомъ для учениковъ и помѣщеніемъ для читальни, псковское—представило ходатайство о наименованіи двухъ земскихъ школъ «Пушкинскими», петербургское—устройствомъ въ земской учительской школѣ двухъ стипендій, по одной въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіи школы по 180 р. каждая; тверское—учредить 2 стипендіи имени Пушкина по 300 руб. каждую, одну—въ московскомъ университетѣ, другую—на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, курское—300 р. на стипендію для проведенія лучшаго изъ ученикомъ земскихъ школъ черезъ среднее и высшее учебныя заведенія. Нѣкоторыя земства учреждаютъ народныя библіотеки: такъ, пензенское—устраиваетъ 10 «Пушкинскихъ» народныхъ безплатныхъ библіотекъ (по 100 р. каждая); московское—

внесло въ смѣту 4.000 р. на устройство «Пушкинскихъ» народныхъ библіотекъ, по одной въ каждомъ уѣздѣ губерніи и половину расходовъ на пополненіе книгами этихъ библіотекъ на будущее время, а также ассигновало 500 р. на устройство библіотеки въ с. Захаровѣ, Звенигородскаго уѣзда, гдѣ великій поэтъ провелъ свои дѣтскіе годы. Для ознакомленія народа съ чествуемымъ поэтомъ владимірское земство ассигновало 300 р. на народныя чтенія его произведеній съ туманными картинами, ярославское—1.300 р., нижегородское уже затратило 600 руб. на организацію народныхъ чтеній съ картинами изъ біографіи Пушкина и нѣкоторыхъ выдающихся его сочиненій. Наконецъ, нѣкоторыя земства, въ интересахъ распространенія произведеній Пушкина, сдѣлали постановленія о безплатной раздачѣ различныхъ изданій Пушкина ученикамъ земскихъ школъ и населенію вообще. Такъ, олонецкое земство предполагаетъ одарить учениковъ въ школахъ сочиненіями Пушкина, владимірское—ассигновало 900 р. на пріобрѣтеніе въ подарокъ каждой изъ существующихъ въ губерніи народныхъ школъ по одному экземпляру полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина съ надписью на каждомъ экземплярѣ, что это—даръ губернскаго земства въ воспоминаніе такого-то событія; орловское израсходовало 600 руб. на пріобрѣтеніе сочиненій и портретовъ Пушкина для раздачи; саратовское—пріобрѣло 4.000 экземпляровъ дешеваго изданія избранныхъ сочиненій поэта для оканчивающихъ школы; вятское—13.000 экземпляровъ, израсходовавъ на это 6.000 рублей.

О чествованіи Пушкина на мѣстѣ его послѣдняго успокоенія, въ Святыхъ Горахъ, мы даемъ особую главу.

Трудно перечислить всѣ практическіе итоги пушкинскихъ празднествъ и отрадныя явленія въ общественной жизни, которыя были связаны съ именемъ юбиляра.

«За послѣдніе мѣсяцы, говорятъ «Русскія Вѣдомости», газеты изо дня въ день сообщали объ учрежденіи въ память столѣтія рожденія Пушкина «народныхъ домовъ», общественныхъ библіотекъ, народныхъ читаленъ, школъ разныхъ типовъ, литературныхъ и научныхъ обществъ, народныхъ театровъ и пр. и пр. Сотни просвѣтительныхъ учрежденій останутся памятниками Пушкинскихъ дней 1899 года. И на книжномъ рынкѣ эти дни сказались уже новымъ оживленіемъ: теперь уже началось и будетъ усиленно продолжаться обильное появленіе новыхъ изданій Пушкина и о Пушкинѣ; такія изданія будутъ считаться многими сотнями, разойдутся милліонами экземпляровъ, и есть основанія думать, что итогъ Пушкинскихъ дней 1899 года въ концѣ концовъ и на книжномъ рынкѣ будетъ выше того, что далъ 1887 годъ».

Такимъ образомъ 100-лѣтіе со дня рожденія великаго поэта ознаменовалось во многихъ мѣстахъ не только шумными празднествами, послѣ которыхъ ничего не остается, но и устройствомъ многихъ просвѣтительныхъ учрежденій, въ которыхъ и должна была воплотиться повсемѣстно идея пушкинскихъ торжествъ.

IV.

Въ Святыхъ Горахъ и Псковѣ 26—29 мая.

Псковская губернія—«сѣрая», «немытая», «мякинная», какъ о ней говорятъ мѣстные крестьяне. Земли (подзолъ-бѣлуга, хвершь, дубовина, кобылье болото и безконечные мхи съ лѣсами) даютъ плохіе урожаи ржи и истощены льнами: дороги «земляныя», а не шоссейныя; образованіе въ крестьянской средѣ насаждалъ кабатчикъ, а мѣстный дворянинъ строилъ въ своемъ имѣніи винокуренные заводы, а не школы и библіотеки... Но въ этой неприглядной губерніи находится мѣстность, въ которой покоится русская литературная святыня—А. С. Пушкинъ и самый монастырь, гдѣ находится его могила, носитъ названіе Святогорскаго, при слободѣ Таболенцъ, Опочецкаго уѣзда. Онъ построенъ на горѣ, называвшейся ранѣе Синичей, по причинѣ множества жившихъ вблизи синицъ; но, вслѣдствіе видѣній религіозно настроеннымъ людямъ и чудесъ надъ нервными больными, былъ построенъ здѣсь монастырь, и гора стала называться святой. Прежнее названіе слободы числится въ офиціальныхъ бумагахъ, а въ живой рѣчи она именуется Святыми Горами. О святогорской мѣстности въ «Живописной Россіи» говорится слѣдующее:

«Цѣлая цѣпь высокихъ холмовъ стягивается здѣсь въ группу, и въ самомъ центрѣ на самый высокой горѣ устроилась Успенская церковь скромной и небогатой обители, господствующая верстъ на 20 въ окрестностяхъ. Отъ подошвы монастырской горы, гдѣ стоитъ Никольская церковь, идетъ вверхъ широкими ступенями изъ дикаго камня высокая лѣстница подъ каменными старинными сводами. Она приводитъ въ верхній храмъ; прямо противъ алтаря ея стоитъ бѣлая мраморная пирамида памятника. Пирамида эта означаетъ мѣсто могилы нашего великаго поэта А. С. Пушкина. Отъ могилы его открывается во всѣ стороны поэтическій разнообразный и очаровательный видъ на горную цѣпь, гдѣ хвойные лѣса чередуются съ березовыми; изъ-за нихъ вырѣзается на трехъ горахъ село Тригорское, воспѣтое и любимое поэтомъ, и обозначается въ отдаленіи родовое имѣніе Пушкиныхъ—Михайловское. У подошвы монастырской горы сверкаетъ, какъ зеркало, свѣтлое озеро въ оправѣ веселой зелени лиственныхъ деревьевъ. Всякій встрѣчный считаетъ обязанностію спросить: «понравились ли Святыя Горы?»—И всякому приходилось искренно отвѣчать одно и то же: «рѣдкія мѣста, мало такихъ». Впечатлѣніе становится особенно рельефнымъ и памятнымъ, когда дорога, въ контрастъ видимому, покидаетъ горы и тянется по низменности, мѣстами даже мокрой и болотистой, и на ней разсыпается маленькій городокъ Новоржевъ».

Самый монастырь основанъ псковскимъ намѣстникомъ Юр. Токмаковымъ, по приказанію Іоанна Грознаго въ 1569 году. Въ соборномъ храмѣ его находятся двѣ чтимыя простымъ народомъ иконы Божіей Матери: Одигитріи и Умиленія, привлекающія на крестные ходы въ монастырь массы простаго народа.

Въ маѣ, 26-го числа, минуло ровно сто лѣтъ со дня рожденія А. С. Пушкина и, при невѣжествѣ мѣстнаго населенія, естественно, что одно псковское дворянство могло почтить достойнымъ образомъ въ этотъ день память геніальнаго писателя, проведшаго многіе дни въ этой губерніи за созданіемъ величайшихъ въ русской литературѣ произведеній и здѣсь же навѣки почившаго... Дѣйствительно, псковскій комитетъ изъ дворянъ, во главѣ съ предводителемъ дворянства Н. И. Новосильцевымъ, обратился къ нѣкоторымъ представителямъ петербургской печати для совмѣстной выработки программы чествованія А. С. Пушкина, и въ помощь ему образовалась въ Петербургѣ комиссія по организаціи помянутаго чествованія. Отъ имени псковскаго комитета и петербургской комиссіи, на «пушкинскіе дни» въ Святыя Горы было приглашено множество писателей изъ столицъ и университетскихъ городовъ. Поѣхали изъ нихъ, однако, очень немногіе, и, кажется мнѣ, тѣ, которые не отозвались на приглашеніе, ничего не потеряли... Точно они предчувствовали, что всякое литературное торжество пройдетъ болѣе или менѣе прилично только тогда, когда въ немъ на первомъ планѣ стоятъ интересы литературы и народа—чего не было въ Св. Горахъ.

Не буду распространяться о томъ, какъ по пріѣздѣ на первую станцію, Островъ, писатели и артисты не были встрѣчены никѣмъ изъ членовъ комитета и, какъ поговоривъ съ становымъ и переплативъ за вольнонаемныхъ лошадей вдесятеро дороже, они добрались до Святыхъ Горъ, гдѣ также должны были ночью розыскивать, безъ провожатаго, отведенную имъ избу и, при этомъ, вести въ конторѣ съ предсѣдателемъ губернской управы, г. Горбуновымъ, слѣдующіе разговоры:

— Какъ же я найду свою квартиру?

— Идите въ волостное правленіе.

— А гдѣ это волостное правленіе?

— На самой высокой горѣ...

— А гдѣ эта самая высокая гора?

— Ну, тамъ спросите!—сердито перебиваетъ Горбуновъ.—Такъ вы безъ конца будете разговаривать!

Нужно сказать, что въ печатныхъ приглашеніяхъ было сказано, что гостямъ обезпечены лошади для проѣзда и помѣщеніе въ мѣстахъ празднествъ. Неудивительно, что нѣкоторые пріѣзжіе писатели недоумѣвали, какимъ образомъ они превратились изъ почетныхъ гостей въ просителей.

Размѣстившись по разнымъ избамъ, писатели и исполнители на

Святыя Горы.

сценѣ отправились утромъ, 26 мая, подъ проливнымъ дождемъ къ обѣднѣ въ монастырь, куда гостей пускали по билетамъ во избѣжаніе давки. Графъ Гейденъ руководилъ порядкомъ, но невольно приходилось жалѣть лицъ, которыя забыли билетъ на квартирѣ и должны были идти за нимъ обратно по невозможной грязи, подъ дождемъ; чего, конечно, не случилось бы, если бы эти лица изъ писателей и исполнителей на сценѣ были ранѣе въ Островѣ или потомъ въ Святыхъ Горахъ представлены организаторамъ празднества, какъ ихъ почетные гости, а не просто пріѣзжіе; если бы въ Святыхъ Горахъ или окрестностяхъ позаботились нанять для представителей прессы общее помѣщеніе, гдѣ съ ними перезнакомились бы распорядители торжества, и гдѣ мы сами могли бы сговориться о чествованіи Пушкина, о многихъ недостаткахъ въ программѣ и необходимыхъ къ ней дополненіяхъ, о поѣздкахъ въ Тригорское, Михайловское и не безпокоиться о какихъ-то проходныхъ билетахъ, безъ которыхъ всѣмъ приходилось выслушивать назидательные или грубые отвѣты распорядителей. Несмотря на проливной дождь и холодъ, храмъ 26-го мая былъ переполненъ людьми. Первое мѣсто занимали сыновья поэта Александръ и Григорій Александровичи и племянникъ его Л. Павлищевъ; рядомъ съ ними товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбрандтъ, псковскій губернаторъ Пащенко, губернскій предводитель Новосильцовъ, члены псковскаго юбилейнаго комитета, дворянство, представители губернской и уѣздной власти, дамы. На правомъ клиросѣ помѣщались архіерейскіе пѣвчіе; на лѣвомъ—хоръ Архангельскаго. Съ пѣніемъ тропарей, подъ проливнымъ дождемъ, двинулось духовенство и всѣ собравшіеся на могилу для первой торжественной панихиды. Фотографы пытались снять происходившую передъ ними церемонію; но, кромѣ раскрытыхъ зонтиковъ, врядъ ли что попало въ фотографическій объективъ. Что сдѣлалось съ мундирами депутатовъ, съ туалетами дамъ—трудно и вообразить, особенно, если вспомнить, что нѣкоторыя дамы не захватили съ собою изъ Питера ни галошъ, ни зонтиковъ, въ надеждѣ на хорошую погоду. Толпа наполнила мостки вокругъ могилы Пушкина. Надъ нею развѣвались хоругви, рѣшетка была убрана цвѣтами, бѣлая мраморная пирамида могилы поэта возвышалась среди лавровыхъ деревьевъ. Убранство было красивое. За установку этихъ растеній и за убранство могилы цвѣтами царскосельскій садоводъ Ремпенъ запросилъ 8.000 рублей. Одинъ изъ членовъ комитета ѣздилъ въ Ригу и устроилъ все за 600 рублей, при чемъ всѣ растенія остались въ полномъ владѣніи комитета и могутъ имъ быть утилизированы.

На могилу Пушкина были возложены вѣнки многими депутаціями, и памятникъ совершенно потонулъ среди нихъ. Тѣмъ не менѣе, главное торжество готовилось быть въ закрытомъ театрѣ, куда

къ двумъ часамъ дня стала стекаться чистая публика, а простой народъ былъ оттѣсненъ конными урядниками для свободнаго проѣзда и прохода господъ въ павильонъ. Послѣдній выстроенъ противъ монастыря, также на высокой горѣ, и окрашенъ въ какой-то малиновый и яркій цвѣтъ. Фасадъ изукрашенъ картинами художника Изенберга, взятыми изъ произведеній Пушкина. Окруженный сзади и съ боковъ сосновымъ лѣсомъ, павильонъ производилъ пріятное впечатлѣніе, но только не во время дождя. Онъ строился для хорошей погоды: для господъ «во фракахъ съ бѣлыми галстухами» и для дамъ—«въ бѣлыхъ платьяхъ», какъ было публиковано въ газетахъ къ руководству «гостей». Крышу зданія, вмѣсто толя, покрыли на живую руку картономъ и дранью, изукрасивъ ее кумачемъ, линючими ситцами и грязными мѣшками. Можно себѣ представить, какіе цвѣтные потоки потекли отъ дождя на публику сквозь такую крышу! Не только публикѣ, но и участникамъ на сценѣ не было спасенія отъ дождя и сквозняковъ въ этомъ картонномъ балаганѣ, разукрашенномъ «панно» изъ Пушкина, лирою на куполѣ и т. д. Конечно, говорятъ, художникъ-архитекторъ г. Изенбергъ не виноватъ, что не могъ придать театру солидной прочности. Псковское дворянство ассигновало ему для театра всего 600 р. и даже лѣсъ на постройку данъ на прокатъ съ условіемъ не рубить досокъ и бревенъ. Пришлось распланировать театръ примѣнительно къ матеріалу и замаскировать постройку на куриныхъ ножкахъ внѣшнимъ образомъ яркими красками на фонѣ зеленой сельской природы. Всевозможные депутаты и депутатки, исполнители на сценѣ во фракахъ и исполнительницы въ декольте, рисковали здоровьемъ болѣе, чѣмъ даже остальная публика. При свистѣ вѣтра и потокахъ дождя губернскій предводитель дворянства, Н. И. Новосильцевъ, объявилъ пушкинское торжество открытымъ. На сценѣ мундиры преобладали надъ фраками; съ лѣваго бока въ ложѣ помѣщались члены псковскаго комитета, съ правой—представители прессы, а противъ сцены семья Пушкина и аристократическая публика. Народъ отсутствовалъ даже въ заднихъ рядахъ театра. Послѣ кантаты на слова Полонскаго о Пушкинѣ, исполненной подъ музыку Н. Александрова хоромъ Архангельскаго, на сцену вышелъ К. К. Случевскій и произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія:

«О чествованіи столѣтія рожденія А. С. Пушкина можно говорить, какъ о событіи, уже совершившемся и вошедшемъ въ исторію. Значеніе его выразилось въ единеніи церкви, школы и общества во славу Пушкина повсемѣстно. Не только здѣсь у могилы великаго поэта, но и на корабляхъ отдаленныхъ морей и океановъ въ этотъ день и часъ русскіе люди чтутъ своего величайшаго писателя. На островѣ Сахалинѣ, въ Асхабадѣ, въ Хабаровскѣ произносится имя Пушкина, и нѣтъ того угла земли Русской, гдѣ бы

Пушкинъ не былъ въ этотъ день извѣстенъ. Было время, когда говорили, что Пушкинъ поэтъ для интеллигенціи, что въ народъ онъ не проникъ. Но я заявляю здѣсь громко, что это неправда. Имѣется спеціальное изслѣдованіе по Ярославской губерніи, между прочимъ, и о томъ, насколько читается тамъ Пушкинъ; кто и что читаетъ въ немъ. Всѣ отвѣты сводятся къ тому, что Пушкинъ нравится народу. Я это смѣю утверждать! Да, Пушкинъ проникъ въ народъ!.. Въ деревняхъ читается «Борисъ Годуновъ», поется «Черная шаль» и т. д. Не однѣ качели уже интересуютъ крестьянъ и въ здѣшнихъ мѣстностяхъ. Народъ ходитъ на могилу Пушкина и говоритъ о немъ, и читаетъ его. При оцѣнкѣ Пушкина невольно напрашивается параллель его съ Петромъ Великимъ. Ни одинъ царь въ мірѣ не былъ такъ разнообразенъ, какъ Петръ Великій:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Кто всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ...

«Петръ въ 53 года жизни сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ 80-лѣтніе владыки, какъ, напримѣръ, цезарь Августъ или Фридрихъ Великій. Въ другихъ странахъ крупные вѣнценосцы выдѣлялись въ томъ или другомъ направленіи: администратора, законодателя, военачальника. Въ Петрѣ было это все, и онъ кончилъ тѣмъ, чѣмъ не кончалъ никто, спасая своихъ русскихъ людей отъ смерти. Пушкинъ былъ такимъ же. Восьмидесятилѣтніе корифеи литературы: Еврипидъ, Гете, Гюго были сильны въ томъ или другомъ родѣ—въ драмѣ, лирикѣ, эпосѣ. Пушкинъ далъ подобные же образцы по всѣмъ родамъ и кончилъ 37 лѣтъ отъ роду. Нынѣшнее чествованіе, начавшееся по слову государя, прекрасно оцѣнившаго значеніе предстоящаго юбилея, приняло тоже размѣры небывалые, которыхъ не достигало недавнее чествованіе Данте въ Италіи, Колумба въ Испаніи.

«Такимъ образомъ, по количеству дѣятельности въ короткій срокъ жизни, Пушкинъ опередилъ великановъ поэзіи всего міра и всѣхъ временъ. Рѣчь о немъ всего лучше закончить словами Тютчева:

«Тебя, какъ первую любовь,
«Россія сердце не забудетъ»...

Рѣчь К. К. Случевскаго были покрыта рукоплесканіями, какъ и рѣчь проф. Ключевскаго въ Москвѣ о той же параллели царя съ поэтомъ; но, разумѣется, сравненіе великихъ людей изъ разныхъ сферъ представляетъ собой лишь ораторскій пріемъ и, кромѣ того, очень мало говоритъ собственно о Пушкинѣ, а факты совершенно не подтверждаютъ того, что «Пушкинъ проникъ въ народъ».

Вторымъ ораторомъ былъ г. Арабажинъ, назвавшій свою длиннѣйшую рѣчь такъ: «Русскіе писатели объ А. С. Пушкинѣ». Она

состояла изъ холодныхъ цитатъ о Пушкинѣ изъ Гоголя, Бѣлинскаго, Григорьева, Достоевскаго, Плещеева, Майкова, Полонскаго и закончилась отзывами, по словамъ Арабажина, изъ «странныхъ статей польскаго писателя, пишущаго порусски—г. Спасовича» и «замѣчательнаго писателя Мережковскаго, какъ лучшаго истолкователя философской стороны Пушкинской поэзіи». Пушкинъ рѣшительно всѣмъ направленіямъ отвѣчаетъ, закончилъ г. Арабажинъ: и славянофилъ Григорьевъ, и нитченіанецъ Мережковскій одинаково покорены его дарованіемъ... Нужно ли говорить, что простой народъ изъ этой рѣчи ни одного слова не понялъ, а интеллигенція сама читала книги и статьи о Пушкинѣ и несомнѣнно гораздо правильнѣе думаетъ о немъ, чѣмъ г. Льдовъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ Пушкина, или г. Мережковскій о «сверхчеловѣкѣ» въ Пушкинѣ. Г. Льдовъ также произнесъ рѣчь о нашемъ поэтѣ столь же банальную, какъ и рѣчь г. Арабажина. Между тѣмъ, имѣя передъ собою взрослую интеллигентную публику, нельзя обременять ея вниманія повтореніемъ всевозможныхъ сравненій, ученическихъ уроковъ и стиховъ въ родѣ «Пророка» или «Птички Божіей». Тутъ требуется отъ оратора что нибудь новое и оригинальное, перечувствованное самимъ ораторомъ, а не заимствованное изъ чужихъ книгъ; но ничего этого не было въ произнесенныхъ рѣчахъ въ закрытомъ театрѣ 26-го мая въ Святыхъ Горахъ, и корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 8532) совершенно вѣрно замѣтилъ:

«Отмѣчу только, что выдающимися моментами являлись не столько рѣчи депутатовъ—иногда очень краткія, иногда выразительныя,—сколько тѣ моменты, которые давали поводъ публикѣ выразить любовь и уваженіе къ поэту въ лицѣ членовъ его семьи. Общій восторгъ выразился бурно, когда, напримѣръ, г. Ковалевскій передалъ А. А. Пушкину дипломъ отъ Румянцевскаго музея на званіе его почетнаго члена, или при объявленіи подачи вѣнка отъ имени семьи, — вѣнка, кстати, прямо художественнаго. Рукоплесканія не умолкали, и оба сына поэта, вмѣстѣ съ остальными родными его, должны были долго оставаться на ногахъ, раскланиваясь съ публикою, не хотѣвшею успокоиться. Присутствіе сыновей поэта удовлетворило всѣхъ».

Послѣ вѣнчанія бюста Пушкина вѣнками, г-жа Яворская прочла стихотвореніе Лермонтова: «На смерть Пушкина», а присутствовавшіе поэты: Мазуркевичъ, Льдовъ, Щепкина-Куперникъ и Порфировъ произнесли свои стихотворенія, и «господское» торжество было закончено національнымъ гимномъ. Въ то время, какъ въ утренніе часы въ закрытомъ театрѣ г-жа Яворская и г. Арабажинъ чествовали память Пушкина, въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ устроено было такъ называемое «народное празднество». Съ грустью говоритъ о немъ корреспондентъ «Сына Отечества»:

«Безъ всякой надобности, но съ обидною подозрительностью, мѣста для увеселенія «черни» откинуты далеко отъ мѣста, предназначеннаго для увеселенія господъ, и по невѣроятной грязи гг. исполнители и исполнительницы должны были перебираться съ одной эстрады на другую. Мимо ихъ мчались тройки, четверки и пары, ѣздили господа въ закрытыхъ экипажахъ, но подобныя удобства предоставлялись или по чинамъ, или по личному знакомству. Даже одѣваться артисты должны были въ подземельѣ, или бѣжать по грязи въ волостное правленіе. Въ концѣ концовъ, когда молодые артисты-исполнители успѣли простудиться, а исполнительницы наплакаться до истерики, г-жа Билибина, завѣдывавшая постановкою спектакля для народа, потребовала лошадей для своей труппы. Послѣ немалыхъ переговоровъ и обѣщаній лошадей все-таки не прислали, и выручалъ артистовъ все тотъ же всесильный урядникъ».

Съ неменьшимъ сожалѣніемъ о томъ, что въ Святыхъ Горахъ все дѣлалось для господъ и по билетамъ, а для народа очень мало, отзывается и корреспондентъ «Русскаго Труда», замѣчая, что ему «больше всего обидно за народный праздникъ. Сначала о немъ вовсе забыли, потомъ, послѣ газетныхъ упрековъ, рѣшили его организовать, но въ то же время отставили его на задній планъ, и онъ все время находится въ какой-то опалѣ. Нѣкоторыя лица никакъ не могутъ примириться съ такой перспективой, что «гдѣ гуляютъ господа, тамъ ползетъ и борода».

Г. Кремлеву надлежало открыть здѣсь праздникъ рѣчью къ народу о значеніи Пушкина, и вотъ что онъ говоритъ: «Когда я пріѣхалъ къ открытой сценѣ (закрытаго театра «народъ» до сихъ поръ считается недостойнымъ), я ужаснулся: сцена еще не декорирована, каѳедра и зонтъ надъ ней ничѣмъ не обиты, самая каѳедра сдѣлана отвратительно. Немедленно собственной властью я принялъ мѣры, чтобы привести все въ надлежащій видъ. Это было сдѣлано ровно къ 2 часамъ. Передъ моей рѣчью долженъ былъ оркестръ сыграть увертюру къ оперѣ «Русланъ и Людмила». Оркестръ опоздалъ и явился только тогда, когда за нимъ отправленъ былъ спеціальный посолъ. Въ это время, къ счастью, явились сюда командированные по моей просьбѣ распорядители. Сначала полиція для чего-то раздвигала народъ въ обѣ стороны, оставляя неизвѣстно почему средину площади пустою. Я потребовалъ, чтобы народу дали мѣсто».

Идея торжества выразилась здѣсь въ примитивныхъ качеляхъ для крестьянъ, столбахъ для лазанья по нимъ деревенскихъ парней и краткой рѣчи г. Кремлева о Пушкинѣ. Но мы сомнѣваемся, чтобы и эта рѣчь была для простого народа простою рѣчью о жизни и значеніи для него А. С. Пушкина. Кромѣ того, о Пушкинѣ читалъ г. Льдовъ, совершенно уже непригодный лекторъ для простого народа.

А между тѣмъ псковскій комитетъ могъ бы задолго до празднества распространить въ народѣ черезъ волостныя правленія и земскія управы краткую и толково составленную біографію Пушкина и познакомить съ краткимъ содержаніемъ хотя бы тѣхъ его произведеній, которыя готовились быть поставленными на сценѣ. Иначе народу трудно было понять выхваченные изъ цѣлаго отдѣльные акты «Скупого рыцаря», «Каменнаго гостя», «Бориса Годунова» и даже «Русалки». Предварительное знакомство съ сущностью того, что читаютъ или играютъ на сценѣ, было необходимо, безъ чего многіе неграмотные зрители, восторгаясь «Русалкой», не знали, что это произведеніе Пушкина, и полагали, что «Русалка» есть измышленіе дѣйствующихъ на сценѣ лицъ. Думается, что безъ устныхъ комментаріевъ или популярныхъ брошюръ народъ ничего не потерялъ, если не видѣлъ и «живыхъ картинъ» изъ Пушкина и «шествія пушкинскихъ типовъ». Народъ никогда не читалъ Пушкина, вопреки мнѣнію г. Случевскаго; сельскіе учителя и священники едва ли сами знакомы съ «типами» Пушкина и, разумѣется, не могли быть проводниками свѣдѣній о нихъ. Безусловно ничего не сдѣлано предварительнаго для ознакомленія мѣстнаго населенія съ Пушкинымъ, несмотря на то, что въ Святыхъ Горахъ покоится его прахъ, и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на средства Таболенскаго сельскаго общества, построена здѣсь богадѣльня и читальня имени Пушкина. Но искалѣченнымъ старцамъ и старицамъ, конечно, не до пропаганды о Пушкинѣ, а въ читальнѣ такъ мало пушкинской литературы, что и ссылаться на нее нѣтъ надобности. Между тѣмъ, ни сынъ Пушкина, жившій все время по сосѣдству съ Святыми Горами, въ селѣ Михайловскомъ, ни монастырскій причтъ, ни тригорскіе помѣщики никогда ничего не дѣлали къ прославленію А. С. Пушкина ни публичными лекціями о немъ, ни изданіемъ дешевыхъ или даровыхъ о немъ брошюръ для мѣстнаго населенія, ни устройствомъ народнаго театра, гдѣ могли бы по временамъ идти пушкинскія произведенія и т. д. Восполнить этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени долженъ былъ бы псковскій комитетъ, равно и петербургская комиссія, принявшіе на себя организацію чествованія Пушкина, если только идея торжества заключается въ болѣе или менѣе сознательномъ пониманіи мѣстнымъ населеніемъ того, чье имя они будутъ слышать и въ церкви, и въ театрѣ, и на площади. Нельзя же предполагать, чтобы это чествованіе заключалось въ аплодисментахъ г-жѣ Яворской, г. Арабажину, г. Льдову и земскому начальнику г. Карпову.

Между тѣмъ, другаго чествованія я не видѣлъ, и его не было. Послѣ окончанія утреннихъ, 26-го мая, торжествъ можно было полагать, по программѣ, что комитетъ предложитъ писателямъ собраться въ Тригорское или Михайловское и, между прочимъ, обсудить совмѣстно съ

нимъ вопросы объ упроченіи пушкинскаго вліянія на массы, хотя бы сборомъ денегъ среди присутствующей публики до 5—6 тыс. человѣкъ или открытіемъ подписки въ газетахъ и журналахъ на постоянный народный театръ, на болѣе обширную библіотеку, на даровое изданіе книгъ о Пушкинѣ, на организацію публичныхъ лекцій о немъ и т. д. Оказалось, что и въ Тригорскомъ были опять-таки чествуемы «гастролеры», да лично знакомые г. Новосильцева. Остальные представители прессы не были туда приглашены и чувствовали, что тамъ собрались частные люди къ землевладѣльцу въ гости, а не представители прессы для торжества имени Пушкина. Поэтому многимъ было очень удивительно читать въ газетахъ слѣдующія строки: «Вечеромъ группа поэтовъ и писателей собралась у К. К. Случевскаго. Всѣмъ хотѣлось обмѣняться пережитыми впечатлѣніями и поговорить на свободѣ. Много говорили о торжествахъ и о Пушкинѣ, о значеніи чествованій его памяти. Всѣ перебывали въ Михайловскомъ и Тригорскомъ, гдѣ сохранился домъ и вся обстановка со времени поэта. Въ Тригорскомъ у остановившагося г. Новосильцева, предводителя дворянства, былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали только приглашенные».

Удивительнымъ въ этихъ строкахъ кажется то, что общее чествованіе А. С. Пушкина обратилось въ частное у частныхъ лицъ. Второй день торжества, 27-го мая, сопровождался ясною погодой, и многіе писатели, съ большимъ трудомъ и за дорогую плату доставая лошадей, ѣздили изъ Святыхъ Горъ въ село Михайловское. Путь лежалъ черезъ живописную мѣстность, и самое Михайловское окружено величественнымъ сосновымъ лѣсомъ впереди, а сзади открытымъ видомъ на рѣку Сороть и холмы. Еще 25-го мая, по газетамъ, здѣсь встрѣчалъ пріѣзжихъ самъ Гр. Алекс. Пушкинъ и любезно показывалъ сохранившійся отъ временъ его отца маленькій флигелекъ слѣва отъ большого дома и другія подробности въ знаменитой усадьбѣ. Во время нашего пріѣзда въ Михайловское, 27-го мая, тамъ никого уже не было. И домъ, и флигель оказались отремонтированными, съ новыми обоями и крашенными полами. Свѣдѣній о Михайловскомъ намъ никто не могъ дать, а между тѣмъ новые гости пріѣзжали сюда, 27-го мая, въ огромномъ количествѣ. Комитетъ не позаботился оставить здѣсь кого либо изъ своихъ членовъ или просто наемнаго человѣка, хорошо подготовленнаго въ путеводители для посѣтителей. Я прекрасно понимаю негодованіе г-жи Лухмановой, редакторши журнала «Возрожденіе» (№ 13), которая пишетъ: «Въ Михайловское мы попали только на третій день и тамъ не застали никого, кто могъ бы хоть сколько нибудь посвятить насъ въ то, гдѣ здѣсь жилъ, гдѣ гулялъ, гдѣ проводилъ время поэтъ. Домъ, изъ котораго выѣхали сыновья Пушкина, былъ уныло, скверно пустъ, съ полами, вымытыми квасомъ, и съ однимъ слугою,

который отвѣчалъ на все: «Не могу знать-съ, не при мнѣ все это было». А можно было предвидѣть, что сюда направится всеобщее паломничество. Сыновья Пушкина, которыхъ мы чествовали, какъ лучшую живую память незабвеннаго поэта, ничего не сохранили въ Михайловскомъ, что говорило бы, что тутъ жилъ, страдалъ, мечталъ и работалъ ихъ великій отецъ. Все срыто, сглажено, и наше собственное воображеніе населяло и лѣсъ, и рощу, и сады образами и стихами поэта. Стыдно и больно подумать — нигдѣ, ничего!.. Ни одной ступени, ни одной скамьи, ни одного дерева, гдѣ висѣла бы надпись: тутъ отдыхалъ или тутъ работалъ Пушкинъ! Очевидно, сыновья тоже взяты врасплохъ, они не предугадали, что такъ отзовется сердце русскаго интеллигента на память объ ихъ отцѣ».

Обнародованны свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ Михайловскаго, по преимуществу, изъ письма К. Тимоѳеева, напечатаннаго въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1859 г., когда г. Тимоѳеевъ ѣздилъ на могилу Пушкина и осматривалъ Михайловское. Въ то время въ усадьбѣ жилъ старикъ Петръ, служившій кучеромъ у Пушкина.

— «Ну, покажи намъ, Петръ, — сказалъ Тимоѳеевъ, — гдѣ тутъ больше проводилъ время твой покойный баринъ,

«Гдѣ почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Приказчика доклады слушалъ?»

— «Э, батюшка, нашъ Александръ Сергѣевичъ никогда этимъ не занимался: всѣмъ староста завѣдывалъ; а ему, бывало, все равно, хошь мужикъ спи, хошь пей: онъ въ эти дѣла не входилъ. А жилъ онъ вотъ тутъ, пожалуйте.

«Мы вошли въ прихожую, отворяемъ дверь въ залъ... Нѣтъ, лучше бы туда и не заглядывать! Къ чему въ нашемъ суровомъ, всеразрушающемъ климатѣ романтическія желанія — побывать въ той самой комнатѣ, отдохнуть на томъ самомъ креслѣ, гдѣ сиживалъ Пушкинъ, гдѣ шла оживленная бесѣда его съ друзьями, гдѣ онъ слушивалъ сказки своей няни. Мы не въ Англіи, Пушкинъ — не Борисъ, чтобы его кресло хранилось, какъ святыня, чтобы то оконное стекло, на которомъ нацарапано имъ четверостишіе, цѣнилось сотнями фунтовъ стерлинговъ и все-таки изъ поколѣнія въ поколѣніе оставалось собственностью домовладѣльца. Мы слишкомъ благовоспитаны, чтобы дорожить подобными пустяками; въ нашей натурѣ, кромѣ лѣни, есть еще и практичность: мебель намъ нужна въ городѣ, въ жиломъ домѣ, а не въ пустырѣ, куда никто не заглянетъ; бревна нужны на мельницу, лѣсъ на дрова, а вовсе не на то, чтобы во время чинить историческую крышу. И вотъ черезъ 22 года послѣ смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолокъ обрушился, подъ стропилами, на перекрестѣ двухъ жердей, въ углу

сидитъ сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли въ жилищѣ поэта.

— «Гдѣ же тутъ кабинетъ Александра Сергѣевича?

— «А вотъ тутъ все у него было: и кабинетъ, и спальня, и столовая, и гостиная.

«Смотримъ: комната въ одно окно, сажени въ три, квадратная.

— «Тутъ у него столикъ былъ подъ окномъ. Коли дома, такъ все онъ тутъ бывало книги читалъ, и по ночамъ читалъ: спитъ, спитъ, да и вскочитъ, сядетъ писать; огонь у него тутъ безпереводно горѣлъ.

— «Такъ ты его, старикъ, хорошо помнишь?

— «Какъ не помнить; я здѣсь у него кучеромъ служилъ, я его и въ Михайловское-то привезъ со станціи, какъ онъ сюда изъ Одессы былъ вытребованъ.

— «А няню его помнишь? Правда ли, что онъ ее очень любилъ?

— «Арину-то Родіоновну? Какъ же еще любилъ-то, она у него вотъ тутъ и жила. И онъ все съ ней, коли дома. Чуть встанетъ утромъ, ужъ и бѣжитъ глядѣть: «здорова ли, мама»?—онъ ее все мама называлъ. А она ему, бывало, эдакъ нараспѣвъ (она вѣдь изъза Гатчины была у нихъ взята, съ Суйды, тамъ эдакъ всѣ пѣвкомъ говорятъ): «батюшка ты, за что все мамой зовешь, какая я тебѣ мать».

— «Разумѣется, ты мнѣ мать: не та мать, что родила, а та, что своимъ молокомъ вскормила.—И уже чуть старуха занеможетъ тамъ что ли, онъ ужъ все за ней.

«Изъ развалинъ дома мы перешли въ уцѣлѣвшую баню, при которой есть чистая комната съ мебелью».

Принимая во вниманіе позднѣйшіе комментаріи, надо думать, что, когда большой домъ развалился въ такой степени, что въ немъ жить нельзя было, А. С. Пушкинъ перешелъ жить въ «уцѣлѣвшую» баню, при которой была «чистая комната съ мебелью», и которую теперь отремонтировали и придали ей видъ флигеля. Въ этомъ флигелѣ, прямо за дверью крыльца, тянется коридоръ въ 6—7 шаговъ длины, въ концѣ котораго устроена маленькая печь съ плитой и черный выходъ; по бокамъ коридора расположены двѣ узенькія и низенькія комнаты: одна, гдѣ жилъ поэтъ, а другая, гдѣ жила его няня, Арина Родіоновна. Грустное впечатлѣніе производитъ внутренность этого флигеля въ двѣ комнаты для одиночно заключенныхъ! Тяжело видѣть эти камеры, гдѣ поэтъ въ унынiи часто помышлялъ о юности своей,

Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой,
За жаръ души, довѣрчивой и нѣжной...

Въ компаніи нѣсколькихъ писателей мы обошли жилище Пушкина и его Михайловскія рощи, но въ Тригорское не поѣхали...

— Чего добраго, и тамъ пусто, и никто не встрѣтитъ пріѣзжихъ,— сказали многіе изъ насъ.

— А еще хуже,—произнесла одна изъ дамъ-писательницъ,—что тамъ пріютились гг. артисты и знакомые г. Новосильцева, а мы внесемъ въ ихъ домашнее торжество напоминаніе, что при данныхъ

Боковая сторона флигеля, съ крыльцомъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

условіяхъ въ «Пушкинскіе дни» и всѣ прочіе представители прессы хотятъ быть за одно со всѣми общественными силами для возданія чести Пушкину, а не порознь всякъ у себя въ мужицкой избѣ.

Та же г-жа Лухманова писала:

«Въ Тригорскомъ много есть цѣнныхъ, вещественныхъ воспоминаній о Пушкинѣ, но туда никто не подумалъ пригласить предста-

вителей прессы, а ихъ, право, было немного—безъ главарей, которые были всюду почетными гостями, человѣкъ десять не больше. Въ Тригорскомъ не поняли, что мы были бы не гостями и не собирались пользоваться гостепріимствомъ, но мы были паломники, полные лучшаго человѣческаго чувства, и что передъ нами заперли входъ въ святыню. Человѣка три истратились на лошадей, ѣздили въ Тригорское по два, три раза, и не видали ничего—у господъ были гости, и они уѣхали обратно, не рѣшившись безпокоить хозяевъ и ихъ гостей (тѣхъ же пріѣзжихъ, но почему-то записавшихся въ распорядители и ставшихъ на привилегированное положеніе). Стыдно, что этого лишили прессу, что искреннее желаніе пріобщиться какъ можно ближе къ жизни великаго поэта перевели на этикетъ и на личныя отношенія. Разъ въ сто лѣтъ устроила Россія праздникъ духа, и на него попали только по знакомству и протекціи!».

Мы не поѣхали въ Тригорское, а вернулись въ Святыя Горы къ началу литературно-художественнаго отдѣла, открывшагося пѣніемъ разныхъ увертюръ и сценами изъ «Каменнаго гостя». Замѣчательно, что и въ этотъ разъ весь театръ былъ занятъ господами, а простой народъ отодвигали отъ него конные полицейскіе и никого не пустили внутрь. Нѣкоторые изъ простонародья проникли хитростью. Сцены изъ «Каменнаго гостя», гдѣ Донъ-Жуанъ соблазняетъ Дону-Анну, не нравились простымъ людямъ, благодаря тому, что играли отрывокъ, а не всего «Каменнаго гостя». Они не поняли также и пикантности вдовствующаго цѣломудрія Анны и артистичности, съ которой Донъ-Жуанъ склоняетъ вдову командора на грѣхъ; но поняли все это грубѣе...

— У господъ это такъ всегда,—иронически произнесъ по купечески одѣтый старикъ.—Монахомъ переодѣлся, а свое ремесло около бабъ твердо знаетъ.

— Хоть бы не около храма увивался... А то на могилѣ мужа!—брезгливо поддакнула ему супруга.

Съ боку совсѣмъ сѣрый мужикъ рѣзко замѣтилъ:

— Просто! Готово дѣло! По воробьиному...

Вечеромъ, однако, въ 8 часовъ, шло представленіе «Русалки», и сверхъ ожиданія я видѣлъ въ театрѣ уже множество лицъ изъ простого народа. Многіе господа къ этому времени уѣхали, и въ театрѣ оказалось просторно. Здѣсь вновь мнѣ пришлось убѣдиться въ благотворной роли театра въ народной жизни и вспомнить знаменитое изреченіе Симеона Полоцкаго о драмѣ на сценѣ:

Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что̀ дѣломъ явится.

Крестьяне внимательно слѣдили за представленіемъ «Русалки», и на глазахъ у нѣкоторыхъ были слезы... Къ сожалѣнію, никто изъ нихъ не зналъ, что эта пьеса — произведеніе Пушкина, и что именно въ этотъ день воздавали честь творцу дивныхъ его твореній, а не «свитскому генералу» и не мощамъ новаго святаго.

Наружная сторона флигеля, гдѣ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

— Кто написалъ «Русалку»? — спросилъ я одного восторженнаго зрителя.

Онъ прежде всего не понялъ возможности «написать Русалку», и все твердилъ о томъ, что она принадлежитъ тѣмъ, кто говоритъ на сценѣ. Отдѣлить писателя отъ актера онъ не могъ такъ

же, какъ и другіе мужики. Даже мораль мельника о томъ, чтобы дочь его брала деньги съ князя за свои ласки, — не казалась ему предосудительною. Зрители восторгались жизненностью картинъ въ «Русалкѣ», ихъ сходствомъ съ дѣйствительностью, но нравственный смыслъ ихъ былъ для многихъ скрытъ. Мельникъ-отецъ, готовый торговать дочерью, производилъ не одинаковое впечатлѣніе. А виноваты въ этомъ тѣ мѣстные интеллигенты, которые жили много лѣтъ бокъ о бокъ съ этимъ народомъ и ничего не сдѣлали для вразумлѣнія его самымъ элементарнымъ истинамъ. Корреспондентъ «Сына Отечества» винитъ частью въ этомъ и псковскій комитетъ, замѣчая: «Дорого стоившія постройки, трехцвѣтные ковры, ненужныя лѣстницы и т. п. похитили такъ много денегъ, что для народнаго удовольствія, для просвѣщенія массы, о которомъ только говорилось, очевидно, уже не хватило средствъ. «Все для господъ! Все по билетамъ! А насъ никуда не пускаютъ»! Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ, а если пріѣхавшіе гг. корреспонденты слышали иныя рѣчи, — завидую имъ!» Находились, впрочемъ, крестьяне, которые вынесли и пріятное впечатлѣніе о всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ Святыхъ Горахъ.

— Больше всего, пишетъ мнѣ одинъ мѣстный педагогъ: они восторгаются театромъ и очень мало упоминаютъ о качеляхъ, столбахъ и прочихъ прелестяхъ въ этомъ родѣ. Но все у нихъ перемѣшалось, да и не удивительно. Вѣдь они ничего не видывали, потому дѣйствующія лица изъ «Скупого рыцаря», «Русалки» «Бориса», все идетъ въ перемѣшку, путается. Довольны они и тѣмъ, что вечеромъ 27 мая ихъ признали за людей и впустили въ павильонъ. А такъ какъ въ каждомъ лицѣ съ эполетами они видѣли губернатора, то они пресерьезно увѣряютъ, что ихъ впускалъ въ театръ самъ губернаторъ. «Эва сегодня какая намъ честь, говорили они, а завтра, погоди, будутъ гнать по шеѣ».

По окончаніи торжествъ въ Святыхъ Горахъ, съ величайшимъ трудомъ мы доѣхали до Пскова, гдѣ 29-го мая торжество въ память А. С. Пушкина было буквальнымъ повтореніемъ того же, что было и въ Святыхъ Горахъ. Совершенно вѣрно сказано въ газетахъ объ этомъ:

«Послѣ театра народнаго, въ который не пропустили никого изъ народа, отправились обѣдать къ предводителю дворянства, но не всѣ не только изъ прессы, но даже и изъ исполнителей на сценѣ. Тутъ ужъ невниманіе дошло до того, что туда попали или лично знакомые г. Новосильцеву, или тѣ, которые попались на глаза. Словомъ, до конца сумбуръ и личныя отношенія, а въ такомъ дѣлѣ, какъ общее торжество, надо было бы быть очень, очень осмотрительнымъ, а для прессы, какъ представителей, собравшихся отъ лица литературы чествовать память русскаго литератора и писателя, слѣдовало бы сдѣлать все, что возможно, чтобы она все видѣла,

все слышала, что касается памяти великаго поэта, и могла бы потомъ передать это читателю, но объ этомъ не подумалъ никто». Еще менѣе думали объ интересахъ народа...

Самое отсутствіе свѣдѣній о Пушкинѣ въ народѣ и безграмотность послѣдняго многіе считаютъ оправданіемъ тому, что пушкинскіе дни въ Святыхъ Горахъ прошли безслѣдно въ народномъ пониманіи о великомъ поэтѣ, а предполагаемое мною собраніе пріѣзжихъ гостей съ хозяевами празднества и обсужденіе ими цѣлаго ряда намѣченныхъ сообща мѣръ къ популяризаціи Пушкина въ народѣ считаютъ праздной «болтовней»! Эту безграмотность народа они аттестуютъ не побудительнымъ мотивомъ къ проектируемымъ мѣрамъ, а тормазомъ и законнымъ поводомъ удовольствоваться амурными сценами изъ «Каменнаго гостя» для народа и монологами Татьяны на французскомъ языкѣ. Мое недовольство подобной стороной литературно-художественнаго чествованія Пушкина нѣкоторые газетчики старались иронически приписать тому, что въ моемъ лицѣ не почтили должнымъ образомъ литературу въ Святыхъ Горахъ и что я «не въ силахъ обойти священныхъ завѣтовъ канцелярской рутины», по которой, уже такъ заведено, «если рѣчь идетъ о писателѣ, то надлежитъ, прежде всего, установить фактъ непроникновенія писателя въ народъ, а засимъ изложить свои желанія относительно открытія народной библіотеки, раздачи народу сочиненій даннаго писателя и проч. въ этомъ родѣ. Ежели коснуться могилы писателя, то, конечно, упомянуть, что она, неизбѣжно, находится въ запустѣніи и т. д.»

Полагаю, что многія эти обстоятельства создаются не чиновничествомъ въ литературѣ, а горькой дѣйствительностью... Такъ это очевидно и такъ трудно угодить нашимъ оригинальнымъ публицистамъ, безсовѣстно искажающимъ мои мысли объ идеѣ пушкинскихъ торжествъ и клеветнически приписывающихъ мнѣ какія-то личные мотивы!

Напишешь о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, укоряютъ въ томъ, что все это уже переизвѣстно и слишкомъ шаблонно, починовнически; не напишешь — посыплются укоры въ незнаніи самой простой очевидности. Это очень легкая и ремесленная критика. Но, разумѣется, когда я писалъ въ газетахъ о томъ, что на празднествѣ памяти А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ не было достаточнаго вниманія къ представителямъ литературы и, вслѣдствіе этого, они были предоставлены каждый самому себѣ и не могли нигдѣ сойтись вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями, являющимися на празднествѣ «хозяевами», чтобы помянуть Пушкина живой любовью и намѣтить совмѣстно рядъ осуществимыхъ мѣръ къ тому, чтобы Пушкинъ, хотя бы на мѣстѣ вѣчнаго успокоенія, былъ до нѣкоторой степени извѣстенъ мѣстному населенію, и чтобы на будущее время усилить его здѣсь популярность сооруженіемъ, положимъ, народной аудиторіи, театра, хорошей библіотеки или даже дешевымъ

изданіемъ произведеній Пушкина и т. д.—я, конечно, имѣлъ въ виду идею торжества, а не свою собственную личность, какъ выразителя литературныхъ требованій. Между тѣмъ меня, именно въ этомъ личномъ смыслѣ, упрекали нѣкоторыя газеты самымъ произвольнымъ образомъ. Я даже думаю: если бы никого не было въ Святыхъ Горахъ изъ литературнаго міра, то и тогда члены псковскаго комитета должны были бы вмѣстѣ съ приглашенными гостями, послѣ аплодисментовъ г-жѣ Яворской и г. Арабажину, посвятить нѣсколько часовъ спеціально размышленію о Пушкинѣ для ознакомленія съ нимъ мѣстнаго населенія, хотя бы на будущее время. Я не могу назвать это намѣреніе на юбилеѣ великаго писателя «болтовней» о томъ, «чтобы росли во рту грибы», «рутиной» и «канцеляризмомъ въ формулярѣ писателя». Пусть читатель самъ разсудитъ, кто изъ насъ правъ по вопросу всѣмъ интересному: какъ должны чествовать память А. С. Пушкина или другого великаго генія его почитатели? Довольно ли однихъ вѣнковъ, панихиды и обѣдовъ съ концертными нумерами и шампанскимъ, или подобныя чествованія обязательно должны, сверхъ того, сопровождаться мѣрами къ популяризаціи великаго генія въ массѣ?

Въ Святыхъ Горахъ и г. Псковѣ на чествованіи А. С. Пушкина было отъ 6—7 тысячъ человѣкъ, если не болѣе, и стоило кому нибудь изъ распорядителей догадаться предложить сдѣлать сборъ денегъ во имя Пушкина, то набралось бы нѣсколько тысячъ рублей, съ которыми не только можно «болтать о грибахъ во рту», но и сдѣлать именемъ Пушкина много добраго въ интересахъ народа и лучшаго выразителя его національнаго генія. Тѣмъ не менѣе, эти совершенно простыя и здравыя сужденія о юбилеѣ Пушкина подверглись глумленію со стороны корреспондентовъ и фельетонистовъ, утратившихъ, ради «краснаго словца», честность мысли и искренность. Юбилейное торжество Пушкина въ Святыхъ Горахъ застигло провинцію враспохъ, и она даже не подозрѣвала, въ чемъ состоитъ дѣйствительная идея торжества. Достаточно, если пріѣзжіе съ трудомъ доставали лошадей на станціи Островъ и не возвращались съ досады со встрѣчнымъ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги обратно въ Петербургъ; хорошо, если послѣ долгихъ поисковъ въ Святыхъ Горахъ квартиры, все-таки таковая находилась въ волостномъ правленіи и, наконецъ, совершенно довольно, если литературно-художественная сторона торжествъ заключалась въ нѣкоторыхъ актахъ на сценѣ изъ «Каменнаго гостя» или «Скупого рыцаря». Изъ представителей прессы въ Святыхъ Горахъ нашлись такіе, которые были вполнѣ удовлетворены и пріемомъ, и подобною программой чествованія А. С. Пушкина, о чемъ они и заявили печати, когда я съ своей стороны писалъ о личныхъ неудобствахъ въ дорогѣ многихъ изъ насъ и объ утратѣ идейной стороны литературнаго праздника. Я выразилъ свою мысль въ газетѣ «Россія» словами: «литераторы думали, что въ Святыхъ Го-

рахъ они будутъ представлены мѣстной интеллигенціи, въ лицѣ ея педагогическаго и медицинскаго персонала, мѣстнымъ землевладѣльцамъ и, даже, представителямъ администраціи, съ тѣмъ, чтобы, собравшись вечеромъ вмѣстѣ, подѣлиться горькими мыслями о томъ, что Пушкинъ совершенно не проникъ въ народъ, и подумать о мѣрахъ къ его популярности среди мѣстнаго населенія и т. п.».

Тотъ же смыслъ Пушкинскихъ торжествъ и чествованій содержится и въ моей статьѣ въ «Недѣлѣ» отъ 9-го мая за № 19.

Какъ просто и естественно такое желаніе въ душѣ литератора! Тѣмъ не менѣе нашлись гг. корреспонденты, которые дѣлали слѣдующій мнѣ упрекъ:

«Никто изъ насъ не льстился быть «представленнымъ мѣстной интеллигенціи въ лицѣ ея педагогическаго и медицинскаго персонала, мѣстнымъ землевладѣльцамъ и, даже, представителямъ администраціи»... Не за этой «честью» ѣхали туда мы, представители прессы, да, вѣроятно, и литераторы».

Такъ искажать мое заявленіе объ идеѣ пушкинскихъ торжествъ могутъ только гг. корреспонденты, сами отличающіе себя отъ литераторовъ... Независимо отъ идеи пушкинскихъ празднествъ, такъ естественно пріѣзжему въ Святыя Горы литератору желать видѣть пригласившихъ его къ себѣ хозяевъ и думать съ ними вмѣстѣ о Пушкинѣ. Между тѣмъ гг. «корреспонденты» пишутъ: «Что же касается претензіи на то, что нѣкоторыхъ писателей нечаянно не пригласили къ обѣду въ Тригорскомъ или городѣ Псковѣ, то думаемъ, что таковая претензія совершенно несовмѣстима съ нашимъ званіемъ».

Думаютъ ли эти гг. «корреспонденты», что ихъ съ такимъ «званіемъ» неудобно приглашать въ порядочный домъ на обѣдъ и что могутъ подозрѣвать тогда и искренность ихъ корреспонденціи или другой смыслъ въ ихъ заявленіи — не знаю. Одно для меня ясно: если ни корреспонденты, ни литераторы не льстятся быть «представленными» мѣстнымъ дѣятелямъ, то сами послѣдніе должны объ этомъ подумать и идти къ литераторамъ на встрѣчу, особенно, на юбилеѣ писателя. Когда старикъ идетъ по улицѣ, то онъ не добивается чести отъ молодыхъ людей, уступающихъ ему дорогу; но они сами это дѣлаютъ естественно. Представители литературы нигдѣ не добиваются чести ради нея самой быть представленными провинціальнымъ дѣятелямъ, но послѣдніе понимаютъ, что безъ литераторовъ и гласности нѣтъ торжествъ. А вотъ нашлись же корреспонденты, которые и этого не понимаютъ, и публично отказываются отъ литературной миссіи, находя, что они были въ Святыхъ Горахъ просто корреспондентами, какими они бываютъ—все равно—на пожарѣ, на вскрытіи мертваго тѣла или на столѣтнемъ юбилеѣ Пушкина... Они не претендовали ни на какой починъ въ пушкинскихъ торжествахъ; были всѣмъ тамъ довольны и откровенно заявляютъ,

что репортеровъ не слѣдуетъ смѣшивать съ литераторами—въ чемъ собственноручно и росписались, подъ протестомъ противъ меня.

Разумѣется, я позволяю себѣ говорить нѣсколько подробно объ этомъ дѣлѣ только потому, что мнѣ хочется усиленно отстоять мое пониманіе «пушкинскихъ торжествъ» съ участіемъ литераторовъ и мѣстныхъ дѣятелей. Мнѣ хочется, чтобы на будущихъ юбилеяхъ великихъ писателей, литература не была бы на послѣднемъ мѣстѣ, какъ это случилось въ Святыхъ Горахъ и, чтобы на представителей редакцій повременныхъ изданій не смотрѣли бы, какъ на писцовъ, присланныхъ для доставленія матеріаловъ въ изданія безъ права голоса въ литературномъ торжествѣ. Если идея торжества заключалась въ выработкѣ мѣръ псковскимъ комитетомъ для ознакомленія народа съ именемъ чествуемаго писателя и въ обсужденіи съ пріѣзжими представителями печати подобныхъ же мѣръ на будущее время, то эта идея была упущена и возмѣщена исключительно аплодисментами г-жѣ Яворской и г. Арабажину. Съ такимъ олицетвореніемъ «пушкинскихъ дней» трудно помириться. Я позволяю себѣ упоминать фамиліи участниковъ торжествъ въ надеждѣ, что они поймутъ идейную сторону вопроса, которой я исключительно заинтересованъ. Что касается личностей, то каждый изъ участниковъ торжества въ Св. Горахъ конечно работалъ, по своимъ силамъ, искренно и доброжелательно. Я только думаю, что для поклоненія ихъ скромнымъ талантамъ и личнымъ достоинствамъ не стоило намъ ѣхать въ Св. Горы, а можно было дождаться осенняго сезона въ Петербургѣ, гдѣ тѣ же литературныя и артистическія имена появятся на эстрадахъ общественныхъ собраній и въ газетахъ. Всякій юбилей крупнаго человѣка есть общеніе народа съ его геніемъ, и именно въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано для Пушкина въ Святыхъ Горахъ, чтобы загладить прошлое пренебреженіе къ нему. Именно съ этой точки зрѣнія, отзываясь отрицательно о торжествахъ въ Св. Горахъ, я упоминаю имена участниковъ съ указаніемъ на то, что они и всѣ мы не доросли до идейнаго почитанія великаго писателя и что въ литературной средѣ всего болѣе этой неподготовленности привлечь общество къ «нерукотворному» памятнику Пушкина въ народѣ. Любопытно, что громко выраженное мною объ этомъ мнѣніе встрѣтило, совершенно неожиданно для меня, осужденіе во многихъ газетахъ, хотя я имѣю письмо ко мнѣ изъ-за границы одного крупнаго, русскаго писателя, въ которомъ тотъ замѣчаетъ: «напрасно вы обидѣлись въ Св. Горахъ за представителей печати... Принимаютъ ее по достоинству. Пушкинъ не принадлежалъ печати, онъ былъ писатель. А что чествовали его казенно, безжизненно, бездушно, такъ вѣдь иного нельзя было и ожидать».

V.

Пушкинъ въ народѣ.

Съ самаго момента смерти поэта въ 1837 г. не только распространеніе его произведеній въ мѣстномъ населеніи, но даже имя его систематически замалчивалось, а въ лучшіе дни русской исторіи никто не позаботился о литературной святынѣ въ Святыхъ Горахъ для сознательнаго почитанія ея мѣстнымъ населеніемъ. Въ книгѣ г. Василева, составленной по неизданнымъ документамъ: «Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи», имѣются любопытныя указанія на то, что̀ способствовало забвенію Пушкина въ Псковской губерніи, и какъ теперь трудно проложить къ нему «народную тропу». При переѣздѣ Пушкина въ 1824 г. изъ Одессы въ село Михайловское, псковскій губернаторъ фонъ-Адеркасъ получилъ официальную бумагу отъ графа Воронцова слѣдующаго содержанія:

«Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, къ несчастію, не только не перемѣнилъ поведенія и дурныхъ правилъ, кои ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже распространяетъ въ письмахъ своихъ предосудительныя и вредныя мнѣнія; посему, по высочайшему повелѣнію, онъ исключенъ изъ списка чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дабы отвратить, по возможности, отъ молодого человѣка всю строгость законовъ, коей онъ, оставаясь въ совершенной независимости, могъ легко подвергнуться по принадлежности своего поведенія. Государь императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство Псковской губерніи въ помѣстье родителей своихъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства».

Съ этой рекомендаціей поднадзорный поэтъ претерпѣлъ множество непріятностей прежде всего отъ своего собственнаго отца и монаха Святогорскаго монастыря, наблюденію которыхъ онъ былъ порученъ.

Г. Василевъ совершенно правъ, замѣчая: «частію образовательный уровень интеллигенціи, а главнымъ образомъ состояніе внутренней политики того времени, видѣвшей въ Пушкинѣ не знаменитаго поэта—славу русскаго народа, а смотрѣвшей на него, какъ на чиновника X класса, были причиною, по смерти поэта, особенно въ первые годы, все, что напоминало пребываніе его, игнорировалось, и населеніе старалось какъ бы замести слѣды всего, что имѣло отношеніе здѣсь къ жизни и дѣятельности поэта. Изъ документовъ, относящихся къ перевозу тѣла Пушкина изъ Петербурга въ Святыя Горы, видно, что, послѣ отпѣванія въ Петербургѣ, гробъ съ тѣломъ Пушкина, заключенный въ смоляной ящикъ, былъ переданъ ямщи-

камъ для доставленія его въ Псковскую губернію, и вмѣстѣ съ симъ сдѣлано распоряженіе: 1) губернатору отъ министра внутреннихъ дѣлъ данъ приказъ распорядиться о пріемѣ тѣла (т.-е. смоляного ящика) полиціею, 2) письмо Клейнмихеля о томъ же, 3) письмо оберъ-прокурора святѣйшаго синода мѣстному преосвященному о преданіи землѣ камеръ-юнкера Пушкина безъ особыхъ встрѣчъ и оказанія какихъ либо почестей. Усердное начальство не потрудилось само выѣхать навстрѣчу дорогого праха, а островскій уѣздный исправникъ, которому приказано было встрѣчать и провожать тѣло до вѣчнаго мѣста упокоенія, не рискнулъ самъ отправиться для встрѣчи тѣла поэта, а командировалъ для сего одного изъ своихъ послѣднихъ канцелярскихъ чиновниковъ, который одинъ и могъ засвидѣтельствовать, что прибывшій рано утромъ въ Святыя Горы осмоленный ящикъ зарытъ въ землѣ или, точнѣе, въ снѣгу у одного изъ алтарей обители. Что же въ дѣйствительности заключалось въ этомъ ящикѣ—свидѣтелей никого не было, такъ какъ ямщики тоже ничего не знали и не видѣли, сопровождавшіе два жандарма—тоже, и, можетъ быть, единственнымъ свидѣтелемъ погребенія гроба съ тѣломъ Александра Сергѣевича былъ Ал. Ив. Тургеневъ, слѣдовавшій за тѣломъ отъ Петербурга до Святыхъ Горъ. При такомъ положеніи дѣла не удивительно, что имя Пушкина произносилось съ осторожностью; о немъ еще носились слухи, что онъ былъ, какъ пріятель декабристовъ, участникомъ извѣстнаго бунта 1825 г. При такихъ обстоятельствахъ, естественно, что память о Пушкинѣ начала проясняться лишь тогда, когда малу-по-малу забывались обстоятельства, окружавшія незавидную одинокую его жизнь въ Михайловскихъ дубравахъ».

Долгое время могила Пушкина никѣмъ не была посѣщаема, и памятникъ на ней никого не озабочивалъ. «Какъ смерть поэта и его погребеніе были окружены таинственностью, такъ и памятникъ ему подвергся той же участи, говоритъ Василевъ. Вслѣдствіе сего о памятникѣ, какъ предметѣ, по происхожденію неизвѣстномъ, позволялось все говорить, что могла изобрѣсти досужая фантазія, кромѣ дѣйствительныхъ свѣдѣній. Нужно было кого нибудь обличить въ небрежномъ содержаніи памятника—и находились люди, кричавшіе, что памяти поэта грозитъ участь небывалая: памятникъ разрушается и паденіемъ своимъ повредитъ прахъ поэта. Нужно было, чтобы гора осѣдала, а деревья, окружающія ее, вырывались, — и стоустая молва уже переходила съ мѣста на мѣсто Ни у кого только не хватало смѣлости, чтобы официально доказать это. Всѣ власти псковскія, какъ духовныя, такъ и гражданскія, а равно и частныя лица, несмотря на носившійся сильный слухъ объ опасностяхъ, окружающихъ могилу Пушкина, до сего времени никакихъ вопросовъ, на которые можно бы требовать и отвѣтовъ, не возбуждали.

Вообще отношенія общества къ могилѣ поэта наводятъ на самыя грустныя размышленія. Былъ одинъ такой періодъ, въ который этотъ памятникъ могъ исчезнуть совсѣмъ, если бы не существовала статья закона о неприкосновенности фамильныхъ могилъ при жизни родственниковъ умершаго. До сего времени, напримѣръ, нѣтъ точныхъ документальныхъ свѣдѣній: когда и на чьи средства онъ устроенъ».

Плохо чтили современники своего поэта и при жизни, и послѣ его смерти. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для ознакомленія народа не только съ произведеніями его творчества, но и съ простыми о немъ свѣдѣніями. Правда, народъ до сихъ поръ безграмотенъ, но это-то и доказываетъ, какъ мало старались поклонники Пушкина о томъ, чтобы и простой народъ вмѣстѣ съ нимъ чтилъ великаго поэта и къ столѣтней годовщинѣ его рожденія былъ бы правоспособенъ. Но вмѣстѣ съ безграмотностью мѣстное населеніе также чуждо и устныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій о Пушкинѣ. Я уже лѣтъ пятнадцать ежегодно ѣзжу въ Новоржевскій уѣздъ, мимо памятника Пушкина въ Святыхъ Горахъ, и отлично помню, что до недавняго учрежденія въ Святыхъ Горахъ богадѣльни и читальни имени Пушкина, крестьяне не подозрѣвали и существованія великаго памятника въ ихъ монастырѣ.

Проѣзжая мимо памятника, ни одинъ ямщикъ не могъ мнѣ сказать даже фамиліи поэта, когда я спрашивалъ о немъ. Посѣщали памятникъ пріѣзжіе помѣщики и влюбленныя парочки, всегда оставлявшія на немъ карандашемъ увѣренія о томъ, что они поклялись другъ другу именемъ поэта въ неизмѣнной любви, а иногда признававшіяся и въ болѣе интимныхъ обстоятельствахъ того же чувства.

— Кто-жъ его знаетъ, кто тутъ похороненъ,—лѣниво отвѣчали и крестьяне.

Однажды, я сказалъ, что здѣсь погребенъ писатель...

— У насъ много теперь писателей,—отвѣтилъ сопутствовавшій мнѣ крестьянинъ.—Мой сынъ тоже писатель... Имѣетъ свидѣтельство объ окончаніи народной школы.

Такое представленіе о писателѣ остается до сихъ поръ въ мѣстномъ населеніи.

Послѣ того, какъ въ 1885 году великій князь Владиміръ Александровичъ, путешествуя по Псковской губерніи, посѣтилъ памятникъ Пушкина и на его могилѣ служилъ панихиду, все населеніе вдругъ заговорило, что здѣсь похороненъ «свитскій» генералъ Пушкинъ, бывшій крестнымъ отцомъ великаго князя. Прошло нѣсколько лѣтъ, и крестьяне слободы Таболенца выстроили здѣсь богадѣльню и читальню имени Пушкина, но это мало помогло уясненію ими значенія пушкинскихъ идеаловъ и вѣрнаго о немъ самомъ предста-

вленія. За мѣсяцъ до пушкинскихъ торжествъ я нарочно поѣхалъ въ Псковскую губернію для ознакомленія съ настроеніемъ народа, вызваннымъ приготовленіемъ къ чествованію памяти поэта, и мнѣ пришлось отъ 9 мая писать въ «Недѣлю» № 19 слѣдующее:

— Что-то будетъ!—удивленно замѣчалъ ямщикъ, погоняя почтовыхъ лошадей.

Я молчалъ.

— Ломка такая—не приведи Богъ!—разговариваетъ онъ самъ съ собою, пока, наконецъ, я не спросилъ его:

— О какой ломкѣ ты говоришь?

— Да 26 мая-то... слыхали?..

— А ты что слыхалъ?

— Всѣ говорятъ разное, а что будетъ—никто не знаетъ,—растерянно отвѣтилъ онъ. — Съѣздъ господъ въ Святыхъ Горахъ... Лошадей заготовляютъ по станціямъ. Великій князь поѣдетъ въ штатскомъ платьѣ... Сказываютъ такъ.

Черезъ минуту онъ опять повернулся ко мнѣ лицомъ и, не обращая вниманія на привычныхъ къ почтовому тракту лошадей, произнесъ:

— Именитыя лица со всего свѣта съѣдутся — солдады нужны будутъ... Въ Новоржевскомъ уѣздѣ въ волостныхъ правленіяхъ земскіе начальники читали волостнымъ старшинамъ бумагу.

— О чемъ?

— Чтобы, значитъ, билетные солдаты никуда не отлучались изъ деревень, а чтобы каждую минуту имѣли бы при себѣ пару смѣннаго бѣлья. Когда позовутъ ихъ въ Святыя Горы охранять именитыхъ лицъ,—чтобы задержки не было.

Меня заинтересовало это сообщеніе, но проѣздомъ по Новинской волости, Новоржевскаго уѣзда, я былъ уже самъ опрошенъ многими крестьянами по этому обстоятельству, которое они истолковали въ томъ смыслѣ, что Россія готовится скоро къ войнѣ съ Китаемъ.

— На войну готовятъ ихъ,—увѣренно твердили они.—Мы теперь все ленъ будемъ сѣять въ этому году... Когда война, всегда требуется въ казну ленъ.

Мое замѣчаніе о неосновательности ихъ хозяйственныхъ расчетовъ и что солдаты могутъ понадобиться для мѣстной повѣрки ихъ подвижности и исполнительности къ военному дѣлу—они встрѣчали съ неудовольствіемъ и предпочитали войну съ Китаемъ ради высокихъ цѣнъ на ленъ.

Итакъ, Пушкинскія торжества и солдатскіе приказы крестьяне принимаютъ за войну съ Китаемъ, думалъ я, подъѣзжая къ погосту Дубровы въ 15-ти верстахъ отъ Святыхъ Горъ, въ мѣстную школу, гдѣ засталъ учителя за урокомъ о Пушкинѣ съ дѣтьми младшаго отдѣленія.

Учитель приступилъ къ своему дѣлу издалека. Зная отлично, что народу часто незнакомы наши общеупотребительныя слова, онъ постепенно началъ пріучать учениковъ къ сознательному пониманію исторіи происхожденія на свѣтъ всякой книги и самаго понятія о писателѣ. Ознакомивъ ихъ кратко съ процессомъ рукописной работы и передачею ея въ типографію для набора, онъ показалъ экземпляръ книги и спросилъ:

— Какъ назвать человѣка, который написалъ эту книгу?

Среди цѣлаго класса поднялась кверху рука одного мальчика.

— Ну, скажи.

— Царь!—храбро отвѣтилъ онъ.

Поднялась другая рука.

— Богъ!

Я видѣлъ, что и дѣвочки подняли руки.

— Ну, скажи ты, Люба...

— Недобрикъ!—крикнула она и обернулась къ мальчикамъ побѣдоносно.—Нечистикъ!

— Вотъ и учи ихъ,—замѣтилъ я, смѣясь,—никакихъ дѣйствующихъ силъ они не признаютъ, кромѣ царя, Бога и чорта.

Учитель заново принялся толковать о томъ, что лица, которыя пишутъ книги, гдѣ описывается ими наша жизнь и дается наставленіе для отличія въ ней добра и зла, — называются писателями и что такимъ писателемъ былъ А. С. Пушкинъ, на могилѣ котораго въ Святыхъ Горахъ 26 мая будутъ чествовать столѣтіе его рожденія.

Но прежде, чѣмъ они усвоили это представленіе о писателѣ, было нѣсколько курьезовъ. Я попросилъ вызвать къ доскѣ ту же дѣвочку Любу и продиктовалъ ей нѣсколько строкъ.

— Вотъ ты написала ихъ на доскѣ, а писательница ли ты?— спросилъ учитель.

— Да... Я писательница.

Нѣсколько рукъ поднялось къ верху, и одинъ изъ мальчиковъ старшаго отдѣленія пояснилъ, что писатель пишетъ по-своему, а не по-чужому, и такимъ писателемъ былъ Пушкинъ.

— Ну, принеси мнѣ его... У меня на столѣ въ моей комнатѣ увидишь его книгу.

Мальчикъ вернулся съ книгой маленькаго формата, но Люба сердито остановила его:

— Большую книгу принеси!—закричала она. — Это маленькая книга, а учитель говоритъ, что Пушкинъ большой писатель.

Она сама побѣжала помогать ему, но не нашла «большой книги», и учитель объяснилъ ей, что мысли писателя мѣряются не количествомъ страницъ, а качествомъ.

— Со смѣху можно умереть,—сказалъ онъ мнѣ:—если послушать, какъ они перевираютъ слова и понятія. Что такое художникъ? — спрашиваю. «Самый что ни на есть худой человѣкъ», отвѣчаютъ. Что такое чиновникъ? «Который все, что ни на есть, починяетъ». Послалъ мальчика къ доктору попросить прислать мнѣ хины, а онъ требуетъ прислать мнѣ Ѳеньку и т. д. Вѣдь сто разъ растолкуешь, объяснишь и, кажется, всѣ поняли, а черезъ полчаса спросишь: кто написалъ эту книгу? «Недобрикъ!» Такъ непривычно для нихъ новое мышленіе съ новыми словами. Легко предлагать учителямъ познакомить дѣтей съ біографіей Пушкина, но выполнить это въ короткій срокъ очень трудно. Самыя понятія о книгѣ, о писателѣ или о стихахъ для нихъ цѣлая наука.

Съ своей стороны и я самъ скоро убѣдился, что не только дѣти, но и взрослые люди весьма мало знакомы здѣсь съ именемъ и значеніемъ Пушкина.

— Что же это, святой, что ли, новый?—спрашивали меня постоянно крестьяне.—Почему назначенъ къ нему на могилу господскій съѣздъ?

— Это писатель...

— А... въ родѣ Балакирева?—допытывались болѣе образованные.

Въ журналѣ «Наблюдатель» заявлено, что такія понятія могли высказывать гуттентоты, а не псковичи—крестьяне, живущіе по сосѣдству съ Петербургомъ. Но вѣдь я называю и мѣсто, и людей... легко провѣрить меня тѣмъ, кто не знаетъ темноты русскаго народа и судитъ о немъ изъ петербургскихъ редакцій.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я записалъ свои впечатлѣнія и закончилъ ихъ въ «Недѣлѣ» слѣдующими словами: «Я всю дорогу думалъ о томъ, что съѣздъ писателей на могилѣ Пушкина 26 мая несомнѣнно возбудитъ въ мѣстномъ населеніи болѣе правильное представленіе о великомъ поэтѣ, но было бы желательно установить болѣе тѣсную связь литературнаго міра при помощи земскихъ управъ, учителей, врачей и просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ. Дѣятельная память о Пушкинѣ должны бы длиться въ данной мѣстности и по окончаніи «господскаго съѣзда», какъ отзываются теперь о немъ крестьяне, совершенно чуждые до сихъ поръ поэзіи и мыслямъ А. С. Пушкина».

Когда наступили «Пушкинскіе» дни, и я вновь былъ въ Святыхъ Горахъ, то мои мечты о съѣздѣ писателей на могилу Пушкина и обмѣнѣ мыслями съ мѣстными дѣятелями о мѣрахъ къ усиленію популярности Пушкина въ народѣ оказались невыполнимыми, вслѣдствіе полной недогадливости объ этомъ провинціальныхъ силъ и совершенной неспособности къ практической дѣятельности литераторовъ. Народъ одинаково невѣжественно толковалъ о Пушкинѣ, какъ и до юбилейнаго праздника. Невѣжество это тѣмъ болѣе характерно, что его держится населеніе у самаго очага торжествъ, гдѣ рядомъ родовое имѣніе Пушкиныхъ, и гдѣ долго жилъ сынъ покой-

наго поэта; гдѣ идутъ приготовленія къ чествованію, строятся и возводятся новыя зданія, и никто не потрудился предварительно, какъ слѣдуетъ, объяснить народу, для кого же все это строится и чѣмъ Пушкинъ заслужилъ такія приготовленія?

VI.

Народъ о Пушкинскихъ празднествахъ.

Находясь на юбилеѣ Пушкина въ кругу крестьянъ, я былъ пораженъ ихъ разговоромъ о Пушкинѣ.

— Большая радость господамъ!—насмѣшливо замѣтилъ молодой парень.—Народъ съ хлѣбомъ-солью встрѣчаетъ ихъ... Теперь каждый годъ служить будутъ обѣдню и панихиду объ эту пору въ Святыхъ Горахъ.

— Царя ждали,—отвѣтила ему молодуха, и сконфузилась за себя.

— Чистоту производятъ такую вездѣ,—что Боже мой! — крикнулъ онъ ей веселымъ и довольнымъ тономъ.—Для святого все!...

— Кто-жъ это святой?

— Пучкинъ прозывался... Какъ же не святой, если винныя лавки закрыли, чтобы было потише?

— Это точно!—согласились старики.—Грѣхъ пить сегодня.

— Грѣха нѣтъ, а господъ стыдно,—крикнулъ голосъ въ толпѣ.

— Какъ же онъ не святой,—продолжалъ тотъ же парень:—если онъ зналъ, что умретъ на этой самой стрѣльбѣ, а если-бъ онъ захотѣлъ, то былъ бы живъ... А вотъ не захотѣлъ идти противъ судьбы и воли Божіей... За это и почетъ ему черезъ сто лѣтъ. Горькія слезы онъ лилъ передъ кончиной, когда пошелъ стрѣляться на счастье... Его убивали, а жена въ гостяхъ была... Ну, онъ и заплакалъ... Съ досады!..

— Откуда ты это знаешь?—спросилъ я краснобая.

— Въ господахъ слыхалъ... Разговоръ былъ.

— Ты грамотный или нѣтъ? Читалъ книги о Пушкинѣ?

— Въ приходахъ учили по-печатному читать, а книгъ мы не знаемъ. Старики сказываютъ, что Пучкинъ святой, а намъ онъ не извѣстенъ. Можетъ, хорошій былъ господинъ, а, можетъ, и дурной...

— Этого ты не говори,—перебилъ его пожилой торговецъ.—Баринъ былъ онъ и жилъ въ селѣ Зуевѣ... Нищенка тутъ старая шляется и говоритъ, что баринъ былъ добрый. Ребятишки бѣгали за нимъ и дразнили его: Пушкинъ! Пушкинъ! А онъ палочкой поигрываетъ, да съ нищими разговоры водитъ и дѣвкамъ пѣсни пѣлъ въ хороводѣ. Добрый господинъ!

— Надо думать,—поддакнулъ я ему.—А правду ли говорятъ у васъ, будто сегодня будутъ разрывать его?

— Сказываютъ! Нетлѣнная голова!

— Почему такъ?

Пріѣзжій откуда-то крестьянинъ, необыкновенно смирнаго вида, подвинулся ко мнѣ ближе и почти шепотомъ сталъ говорить:

— Пушкинъ заспорилъ съ однимъ графомъ, что черезъ сто лѣтъ разроютъ его могилу и найдутъ его голову цѣлой. Сегодня эту нетлѣнную голову и будутъ разрывать. Самъ священникъ изъ Кронштадта пріѣдетъ... Вотъ народъ изъ деревень ѣдетъ и идетъ встрѣчать батюшку. Хочется поглядѣть, какъ онъ будетъ вскрывать нетлѣнныя мощи Пушкина.

— Ты такъ объясняешь себѣ этотъ съѣздъ господъ на могилу Пушкина?

— Я пріѣхалъ священника посмотрѣть,—отвѣтилъ онъ мнѣ.— Другіе по-своему толкуютъ... Всѣ разно. Вчера не было отца Ивана... Дождемъ смочило... Мощей и не вскрывали безъ него.

— А если онъ совсѣмъ не пріѣдетъ? Безъ него не будутъ вскрывать могилу?

— Безъ него никакъ нельзя...

— Это все больше бабенки толкуютъ,—перебилъ насъ другой мужикъ.—Вотъ доподлинно знаю, что Пушкинъ наспиртованъ, потому и цѣлъ до сихъ поръ въ могилѣ, а теперь его хотятъ изъ Святыхъ Горъ перенести въ Зуево—село Михайловское. Вынутъ тѣло, переспиртуютъ и перенесутъ памятникъ.

— Денегъ большихъ все это стоитъ, — перебилъ энергично парень:—лучше бы на эти деньги построить постоянный мостъ черезъ рѣку Великую въ Селихновѣ. А то каженную весну мостъ водою сноситъ, и надо наводить паромъ. Съ насъ все взыщутъ, что израсходовано на господъ.

— Эти деньги дворянскія,—поправилъ я его.—Много тысячъ пошло на празднество Пушкина, но сами дворяне обложили другъ друга и на свои денежки принимаютъ гостей. А не земство...

— Все съ насъ же возьмутъ!—увѣренно протестовалъ онъ.— Начальство теперь себя выхвалить хочетъ, вотъ и украшаетъ наши горы и зданія строитъ... А уѣдутъ—пойдутъ всѣ эти украшенія насломъ! Что денегъ брошено... Лучше бы намъ на рожь!

— А ты не дери глотку-то! Не дери! Чего гамкаешь, не разузнавъ дѣло?—напали на него вдругъ разомъ нѣсколько крестьянъ.— Пушкинъ святой человѣкъ... какъ же не святой, если говорятъ... можетъ, тоже зря болтаютъ!— что онъ, раньше всѣхъ господъ, своихъ крестьянъ пустилъ на волю. Какъ же этому не вѣрить? Онъ святой!.. Вотъ господа съѣдутся, можетъ, посовѣтуются между собой и землицы намъ прибавятъ...

— Землицы не прибавятъ, а съ насъ взыщутъ все, что израсходовано! Да еще прочія державы пріѣдутъ сюда, разсмотрятъ все въ Россіи и завоюютъ насъ... Вотъ тебѣ и землица!

— Что съ тобой языкъ чесать! — отвѣтили ему съ неудовольствіемъ тѣ, которые ждали прибавки землицы.

Слухъ объ этой «прибавкѣ» возникъ изъ того, что правительство купило имѣніе Михайловское и не рѣшило до сихъ поръ, какъ имъ распорядиться. Гласъ народа тотчасъ же создалъ на этотъ счетъ свои предположенія, коренящіяся на тайныхъ симпатіяхъ массъ къ господской землѣ. Можетъ быть, однако, народныя ожиданія относительно пушкинской земли до нѣкоторой степени и оправдаются. «Лучшее въ Пушкинскихъ торжествахъ—(пишутъ въ «Сынѣ Отечества», № 144)—это извѣстіе, что часть имѣнія предположено отдать крестьянамъ. Земля, нынѣ принадлежащая имѣнію Пушкиныхъ, узкою лентой протянулась среди крестьянскихъ надѣловъ, и крестьянамъ нѣтъ никакой возможности обойтись безъ этой земли. Заслышавъ, что имѣніе перейдетъ изъ рукъ Гр. Ал. Пушкина (всегда сдававшаго крестьянамъ землю по дешевой цѣнѣ) въ собственность псковскаго дворянства, крестьяне чрезвычайно взволновались и буквально засыпали Григорія Александровича многочисленными письмами и просьбами не продавать имѣнія и не лишать ихъ куска хлѣба. Но само собой разумѣется, что Григорій Александровичъ собственными усиліями ничего не могъ подѣлать, тѣмъ болѣе, что доходы съ имѣнія послѣ продажи его предполагалось обратить на устройство и содержаніе литературной богадѣльни въ Михайловскомъ. Обсуждался этотъ вопросъ и въ Союзѣ писателей, такъ какъ, естественно, каждый русскій литераторъ не хотѣлъ бы, чтобы бремя содержанія богадѣльни ложилось на крестьянскія плечи. Но нынѣ этотъ вопросъ разрѣшается въ самомъ лучшемъ смыслѣ». Если газеты могутъ утверждать со словъ и по слухамъ о «самомъ лучшемъ смыслѣ» по адресу пушкинской земли, то простому народу простительно мечтать о ней.

Пока мы разговаривали между собой, мимо насъ, въ толпѣ пробивался совсѣмъ старый крестьянинъ.

— Куда ты, старый хрѣнъ?—кричали ему, но онъ, не обращая ни на кого вниманія, подвигался впередъ.

Наконецъ, замѣтивъ меня и указывая рукой на гору, гдѣ стоялъ павильонъ, онъ задыхаясь произнесъ:

— Что тамъ такое—баринъ?! Правда, что цареву ручку цѣлуютъ?

— Правда, но тебя не пустятъ... посмѣялся я.

— Что такъ?! Бабъ пускаютъ, а мужику нельзя... Врешь ты!

Онъ полѣзъ далѣе, но съ боку меня вскорѣ послышался еще болѣе интересный голосъ.

— Иди, братъ, книжку брать на цигарки... Сказываютъ, раздаютъ какія-то книжки.

Оба мужика спустились съ горы и пошли по направленію къ волостному правленію.

Неужели народъ такъ чествуетъ Пушкина?— подумалъ я. Неужели ни Псковскій комитетъ, ни С.-Петербургская комиссія по организаціи чествованія величайшаго генія въ русской литературѣ ничего не предприняли для ознакомленія народа съ великимъ именемъ и удовольствовались приглашеніемъ плохихъ актеровъ и поэтовъ для прочтенія на сценѣ мало назидательныхъ для народа цитатъ изъ любовныхъ объясненій Донъ-Жуана съ доной Анной или Димитрія Самозванца съ Мариной Мнишекъ у фонтана? Неужели литературно-художественная сторона торжествъ не нашла болѣе широкаго выраженія во имя Пушкина?

— Стихотворецъ онъ былъ,—слышу я разговоръ въ новой толпѣ мужиковъ.

— Что же это такое?—спрашиваю.—Стихи творилъ, значитъ?

— Должно такъ...

— Это вещи, что ли? Самые стихи-то? Ты видалъ ихъ когда нибудь?

— А Господь вѣдаетъ,—отвѣчаетъ крестьянинъ.—Говорятъ, что былъ стихотворецъ.

— Въ родѣ купца, что ли?

— Воинъ, думать надо,—глубокомысленно отвѣтилъ тотъ.—Именитый воинъ...

— Краснопѣвецъ!—перебилъ его молодой крестьянинъ и сталъ разъяснять мнѣ, что стихи—это складныя пѣсни. Красныя пѣсни—что дѣвки хорошія.

— Царство ему небесное,—пожелала ему одна изъ такихъ.

— Вотъ до чего дошелъ,—со смѣхомъ подхватили другія:—краснопѣвцемъ былъ и мужичкамъ нашимъ въ это время заработокъ далъ черезъ сто лѣтъ.

Мужики похвалили дѣвокъ и степенно сказали:

— Міру православному потрудились славно эти дни... Столбики вбивали, плотничью работу справляли, землю ровняли... Поденщики у насъ стоятъ 15 коп., и то не надо! А теперь и восемь, и девять гривенъ получали отъ господъ, и лошадки наши заработали себѣ на кормъ. Спасибо краснопѣвцу... Правильный человѣкъ!

Я начиналъ уже уставать въ этой разноголосой толпѣ и хотѣлъ выйти изъ нея на дорогу къ дому. Но прилично одѣтый мужикъ остановилъ меня за руку и вновь собралъ вокругъ меня народъ.

— Ты самъ знаешь больше нашего, баринъ, а все разспрашиваешь... Я давно гляжу за тобой, а вотъ никто тебѣ не скажетъ того, что я скажу про господскій съѣздъ.

— Сдѣлай милость... Буду радъ.

— Что тебѣ про Пушкина говорятъ, то въ одно ухо впускай, а

въ другое выпускай,—продолжалъ онъ.—Мы по торговой части, думаемъ, что господа пріѣхали за барышами, а не къ Пушкину.

Я ничего не понималъ, но купецъ былъ совершенно трезвымъ и глядѣлъ умнымъ человѣкомъ.

— Между Тригорскимъ и Михайловскимъ, — продолжалъ онъ:— находится погостъ Вороничъ, а прежде здѣсь былъ городъ, да Литва его разрушила... Вотъ у насъ на купеческомъ положеніи и сказываютъ, что господа съѣзжаются въ Святыя Горы будто для Пушкина, а сами, на самомъ дѣлѣ, сперва въ Тригорскомъ, а потомъ во Псковѣ станутъ совѣтоваться, какъ опять построить городъ на мѣстѣ, гдѣ былъ Вороничъ, до самыхъ Святыхъ Горъ. Уже двѣсти купцовъ изъ Москвы подписали бумагу въ томъ, что будутъ строить здѣсь лавки и торговать; да еще два полка солдатъ пригонятъ.

— Тоже бабы—толкуютъ!—возразилъ ему другой булыня (скупщикъ льна).—Въ нашей мѣстности все бабы... Такіе языки! Пока мужикъ съ лавки валится на полъ, баба семь думъ обдумаетъ, да еще такого, чего и не было... Такіе языки! Такіе языки!

— Чего тебѣ онѣ сдѣлали? Бабы, какъ бабы... Всякій народъ есть и среди нихъ.

— Это правда, что всякія есть,—согласился женоненавистникъ.— Есть и праведныя женщины, такъ тѣ глупости не говорятъ.

— А какія глупости? Что онѣ говорятъ? — перебилъ я споръ купцовъ.

— Видишь ли,— вмѣшался въ разговоръ какой-то полунищій:— между городомъ Вороничъ и рѣкою Сороть была давно уже большая битва... съ литвою или французомъ—не знаю. Городъ они разрушили, но ихъ богатырь въ этихъ горахъ шапку свою потерялъ, а безъ шапки онъ не хотѣлъ возвращаться въ свою страну и остался здѣсь... Такъ бабы наши толкуютъ, а станешь смѣяться, такъ онѣ скажутъ, что сами видѣли этого богатыря здѣсь и встрѣчались съ нимъ. Вотъ теперь, какъ понаѣхали сюда господа, наши бабы и льютъ колокола о томъ, что за этой богатырской шапкой опять придутъ народы воевать насъ. Господа съѣхались, чтобы защитить себя... Тайный совѣтъ у нихъ здѣсь. Бабы все плетутъ... Что сороки въ кустахъ!

— Это и не бабы, а и мы слыхали отъ своихъ стариковъ про богатыря-то,—сказали мужики.— Тутъ онъ и оставленъ. Когда придутъ народы за нимъ, онъ имъ укажетъ, гдѣ отыскать его шапку; а безъ нея у него нѣтъ такой силы... Неизвѣстно только когда придутъ искать его шапку. Господа понаѣхали сюда, бабы и вспомнили про шапку... Кто что: иной — городъ строитъ отъ самаго Воронича до Святыхъ Горъ, а другой войны ждетъ изъ-за богатыря. А Пушкинъ, какъ былъ добрый баринъ, и больше ничего...

— А гдѣ же этотъ богатырь скрывается?

— Да и богатыря, можетъ, нѣтъ, — съ досадой отвѣтилъ скептически настроенный купецъ.

— Какъ же такъ нѣтъ?

— А такъ нѣтъ и просто!

— Всякій тебѣ скажетъ,—перебили насъ голоса:— гдѣ скрывается богатырь... На высокой горѣ въ Вороничѣ, гдѣ церковь Егорья. На пасху, въ Свѣтлое Воскресенье, между утренней и обѣдней, счастливымъ людямъ богатырь показывается. Явится на горѣ и ведетъ коня внизъ на водопой къ рѣкѣ. Богатырище... страхъ беретъ глядѣть на него. Можетъ, господа помолятся на могилѣ Пушкина, да и поймаютъ богатыря... А то быть войнѣ изъ-за него.

Таковы представленія народа о Пушкинскихъ торжествахъ у подножья могилы поэта. Правда, святогорскіе крестьяне могутъ утѣшиться всеобщимъ невѣжествомъ о Пушкинѣ. Въ Житомірѣ даже дворянство чтило не поэта Пушкина, а дворянина,возложивъ на его памятникъ вѣнокъ съ надписью: «Дворянину Пушкину». «Одинъ этотъ эпизодъ,— замѣчаетъ газета «Новое Время»,—свидѣтельствуетъ лучше всякихъ разъясненій о томъ, что волынское дворянство обнаружило меньшее пониманіе Пушкина, нежели псковскіе крестьяне. Если послѣдніе распространили слухи о «нетлѣнной головѣ» поэта, безсознательно оказавшіеся вѣрными и справедливыми, то дворяне обратили вниманіе на такую сторону, въ подтвержденіе которой нельзя подыскать въ сочиненіяхъ Пушкина ни одной черты. Пушкинъ—дворянинъ!.. Думаемъ, что Пушкинъ, всю жизнь проповѣдывавшій свободу отъ всякаго рода предразсудковъ и условныхъ путъ, съ негодованіемъ сбросилъ бы этотъ вѣнокъ со скромнаго житомірскаго памятника. Если поискать, то такихъ фактовъ наберется немало, и объясняется это тѣмъ, что у насъ очень мало, даже удивительно мало сдѣлано для изученія Пушкина».—«Новости» разсказываютъ о своеобразномъ пониманіи Пушкина нѣкоторыми инженерами путей сообщенія. Служащіе екатерининской желѣзной дороги, собравъ между собою довольно значительную сумму денегъ, постановили отслужить 25-го мая панихиду по А. С. Пушкинѣ, и остатокъ денегъ или передать въ комитетъ по сооруженію памятника великому поэту, или послать голодающимъ. Начальство службы тяги было крайне поражено дерзостью служащихъ и, отказавшись отъ участія въ подпискѣ, строго на-строго запретило всѣ дальнѣйшія затѣи въ этомъ направленіи, мотивируя запрещеніе тѣмъ, что «г-нъ Пушкинъ никогда по министерству путей не служилъ и что чествовать такъ или иначе память его — дѣло писателей, а не желѣзнодорожныхъ агентовъ». Небезъинтересно было бы назвать по фамиліямъ этихъ генераловъ Дитятиныхъ. — Другой, не менѣе

характерный, случай имѣлъ мѣсто въ г. Майкопѣ. Здѣсь, передъ панихидой, отслуженной въ присутствіи 1.200 дѣтей, протоіерей Соколовъ обратился къ учащимся со слѣдующимъ словомъ, приводимымъ «Кубанскими Обл. Вѣдомостями», какъ они заявляютъ, съ буквальною точностью. «Всѣ мы здѣсь собрались, — сказалъ протоіерей Соколовъ,—помолиться о рабѣ Божіемъ Александрѣ. Знаете, кто былъ этотъ рабъ Божій Александръ! Это былъ поэтъ. Онъ всю жизнь свою пѣлъ пѣсни и многія изъ нихъ ненравственныя, о которыхъ самъ потомъ жалѣлъ. Смѣемъ ли мы молиться за такого человѣка? Да—смѣемъ; христіанская церковь, какъ любящая мать, всѣхъ пріемлетъ къ себѣ и позволяетъ молиться за падшихъ сыновъ своихъ. И разбойникъ на крестѣ покаялся и былъ прощенъ. Итакъ онъ пѣлъ пѣсни, рабъ Божій Александръ. И вы, дѣти, воспитываетесь въ школѣ на этихъ пѣсняхъ, а между тѣмъ о многихъ изъ нихъ онъ самъ хотѣлъ, чтобы онѣ канули въ Лету. Только неучи, недоучки, недоросли могутъ приходить въ восхищеніе отъ такой сказки, какъ сказка о работникѣ Балдѣ. И эту сказку читаютъ иные педагоги въ школахъ. Только развѣ это педагоги, — это наемники, продажные, которыхъ на порогъ школы не слѣдуетъ пускать. Пушкинъ родился христіаниномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ священникъ, напутствовавшій его, который говорилъ: «вотъ истинно христіанская кончина, я бы желалъ, чтобы всѣ такъ умирали». Умеръ Пушкинъ христіаниномъ по желанію царя, который послалъ ему священника. Помолимся же, дѣти, о рабѣ Божіемъ Александрѣ; молитесь о немъ постоянно и вездѣ: онъ сильно нуждается въ вашихъ чистыхъ дѣтскихъ молитвахъ». Газета «Сибирская Жизнь» сообщаетъ, что и въ г. Омскѣ законоучитель заявилъ въ школѣ, что Пушкинъ принизилъ литературу тѣмъ, что послѣ него явились писатели — богоотступники: Бѣлинскій и Л. Толстой. Не менѣе замѣчателенъ отвѣтъ пермскаго преосвященнаго директору народныхъ училищъ Пермской губерніи, на его отношеніе отъ 19-го мая за № 1963, въ которомъ директоръ спрашивалъ преосвященнаго о томъ, дѣйствительно ли духовенству пермской епархіи запрещено служить по А. С. Пушкинѣ заупокойную литургію и панихиду, такъ какъ онъ убитъ на дуэли? Въ отвѣтъ на это преосвященный, отъ 12-го мая, за № 549, написалъ директору: «Запрещенія служить заупокойную литургію и панихиду по А. С. Пушкинѣ съ моей стороны не было духовенству пермской епархіи. Но въ виду разныхъ соображеній, я не могу обязывать и служить оныя. Пусть каждый пастырь поступаетъ по удостовѣренію своего ума (Римл. XIV; ст. 5). Кромѣ того, мнѣ желательно, чтобы мірскія торжества чествованія поэта А. С. Пушкина и молитва о немъ не были совершаемы въ одно и то же время, и послѣднія были отнесены на Троицкую поминаль-

ную субботу. Наконецъ, считаю нужнымъ сказать, что я не имѣю положительныхъ указаній отъ святѣйшаго синода, какъ относиться къ чествованію поэта Пушкина, и самъ по этому дѣлу во многомъ недоумѣваю». Въ №№ 13—14 «Міръ искусства» не менѣе невѣжественно чествовался Пушкинъ г. Розановымъ, объявившимъ Пушкина «безсодержательнымъ» и г. Минскимъ, увѣряющимъ, что у Пушкина эстетика вездѣ побѣждаетъ этику на томъ основаніи, что Онѣгинъ пожелалъ счастья именно тогда, когда для его достиженія понадобилось разрушить семейный міръ любимой женщины и опозорить ее на глазахъ свѣта. «Но, спрашиваетъ въ благородномъ негодованіи Вл. Соловьевъ:—давно ли пожеланіе называется побѣдой. Неужели Минскій думаетъ, что его читатели совсѣмъ забыли Пушкина, не помнятъ даже того, что въ его романѣ побѣда осталась не за «эстетическимъ» Онѣгинымъ, а за «этическою» Татьяной, весьма позорно побившею героя? Три завѣта нашелъ г. Минскій у Пушкина. Первый—противоположеніе поэзіи разсудку и нравственности. Второй завѣтъ Пушкина гласитъ, что художникъ призванъ не съ тѣмъ, чтобы баюкать и согрѣвать души людей, а съ тѣмъ, чтобы вѣчно ихъ мучить и жечь. Сущность третьяго и самаго великаго завѣта—равнодушіе къ добру и злу». Совершенно справедливо, съ оттѣнкомъ гнѣва, называетъ В. Соловьевъ въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 7) эти сужденія гг. Розанова и Минскаго «Особымъ чествованіемъ Пушкина», какъ бы въ параллель мужицкимъ представленіямъ о поэтѣ въ Святыхъ Горахъ. А юбилей? Содѣйствовалъ ли онъ правильному пониманію и извѣстности Пушкина? Заставили ли «Пушкинскіе дни», напримѣръ, въ Святыхъ Горахъ, произнести народъ имя Пушкина съ благоговѣніемъ и задуматься о немъ? Довольно ли было для подобнаго произнесенія его имени одного праздничнаго шума съ разнаго рода пушкинскими обѣдами, ужинами, конфектами, этикетками, перьями и мылами съ портретами Пушкина и куплетами? Достаточно ли для чествованія національнаго поэта «господскаго съѣзда» въ Святыхъ Горахъ, чтобы смотрѣть игру г-жи Яворской въ «Каменномъ гостѣ» или слушать стихи г. Льдова?

Кажется, что этого недостаточно, и, съ своей стороны, я находилъ въ Святыхъ Горахъ полное забвеніе псковскимъ комитетомъ и с.-петербургской комиссіей по организаціи чествованія А. С. Пушкина идеи торжества, заключавшейся, разумѣется, не въ одной церковной обрядности на могилѣ поэта и не въ аплодисментахъ второстепеннымъ актерамъ и актрисамъ, но въ общемъ стремленіи комитета и комиссіи содѣйствовать популярности Пушкина въ данной мѣстности не только заранѣе обдуманными мѣрами, но и въ общихъ собраніяхъ, съ пріѣзжими представителями печати и мѣстными дѣятелями, цѣлымъ рядомъ новыхъ проектовъ о той же самой популяря-

ризаціи Пушкина въ народѣ и объ усиленіи его вліянія на массу. Я полагалъ, именно, въ этомъ, главнымъ образомъ, идею пушкинскаго торжества и пораженъ тѣмъ, что всюду она проявилась по преимуществу пѣніемъ пѣвчими г. Архангельскаго всевозможныхъ кантатъ, плохою игрою любовныхъ объясненій Донъ-Жуана съ женщинами, банальными рѣчами ораторовъ на ученическія темы о Пушкинѣ и повсемѣстнымъ чревоугодничествомъ, подъ знаменемъ пушкинскаго на насъ вліянія. Съ этой точки зрѣнія, я находилъ, что въ Святыхъ Горахъ торжество Пушкина прошло изъ рукъ вонъ плохо, и гг. представители прессы, не говоря уже о личныхъ неудовольствіяхъ, ничего не могли измѣнить въ программѣ торжествъ и предложить на будущее время—хотя бы подписку среди 7—8 тысячъ собравшихся лицъ въ Святыхъ Горахъ и г. Псковѣ, для изданія даровыхъ о Пушкинѣ брошюръ, для организаціи цѣлаго ряда публичныхъ о немъ лекцій въ разныхъ концахъ Россіи, для сооруженія въ Святыхъ Горахъ народнаго театра, спеціально пушкинской библіотеки съ плеядою его послѣдователей, а не той, которая прикрывается его именемъ въ Святыхъ Горахъ для профанаціи и т. д. Правда, Псковскій Комитетъ работаетъ по сбору пожертвованій денегъ въ память учрежденій имени Пушкина довольно успѣшно, но вполнѣ независимо отъ торжествъ 26—29 мая и я только хочу сказать, что эти дни прожиты нами въ Святыхъ Гороха и Псковѣ безполезно для памяти Пушкина.

Конечно, всѣ наши юбилейныя торжества большею частью неудачны по существу, и мое недовольство «пушкинскими днями» въ Святыхъ Горахъ ничего не имѣетъ общаго съ личными обстоятельствами. Пора обратить вниманіе на то, чтобы въ будущемъ народъ не былъ захваченъ совершенно неподготовленнымъ къ пониманію среди него чествованій великихъ людей. Къ Пушкинскому юбилею готовились долго, и, разумѣется, можно было многое сдѣлать для ознакомленія съ Пушкинымъ мѣстнаго населенія въ Святыхъ Горахъ. Этотъ смыслъ юбилейныхъ торжествъ во имя Пушкина или иного впереди генія будетъ несомнѣнно осуществимъ, если во главѣ юбилейныхъ торжествъ, вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями, будутъ работать выдающіяся въ литературѣ имена, преслѣдующія преимущественно идейную сторону торжествъ. Разумѣется, нравственный энтузіазмъ и идеалы крупныхъ юбиляровъ проникаютъ въ массу тысячелѣтнимъ путемъ, но каждое національное торжество должно содѣйствовать имъ. Между тѣмъ празднество Пушкина въ Святыхъ Горахъ вызвало рядъ вымысловъ въ мѣстномъ населеніи, а съѣздъ господъ и литераторовъ ничѣмъ достойнымъ имени Пушкина не упрочилъ дѣйствительныя представленія о великомъ покойникѣ и знакомство съ его твореніями. Одинъ изъ поэтовъ былъ совершенно правъ, ска-

завъ въ Псковѣ, во время чествованія Пушкина, слѣдующіе свои стихи:

Я видѣлъ ихъ, Святыя Горы...
Тамъ ароматенъ яблонь цвѣтъ,
И соловьевъ тамъ звучны хоры...
Тамъ жилъ великій нашъ поэтъ.

—

Но все тамъ дышитъ грустью сонной.
Тамъ теменъ умъ, мертвы сердца,
И нашъ народъ непросвѣщенный
Не знаетъ русскаго пѣвца!

Доп. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

[1=]

ТО[illegible]Е АВТОРА:

„НАРОДНИКИ И МАРКСИСТЫ“. Спб. 1[illegible]9.
Цѣна 40 коп.

Цѣна 60 коп.